

ТРЕТЬЕ ПОКОЛЕНИЕ

Марианна Алферова

Марианна Алферова

Третье поколение

«Автор»

2020

Алферова М. В.

Третье поколение / М. В. Алферова — «Автор», 2020

Конвой из пяти кораблей отправляется в путь к Новой Земле. Сменится шесть поколений, прежде чем корабли-ковчегии достигнут цели. Первое поколение выбрало свой путь, второе пыталось повернуть назад, но не преуспело.

У третьего поколения нет выбора – путь к Новой Земле, как и к Старой, одинаково долог. Остается одно – день за днем играть отведенную тебе роль, всегда одну и ту же. Но рано или поздно найдется кто-то, не желающий учить чужие слова. Главный герой романа – Адриан Гор по прозвищу Кошмар, рожденный на одной из нижних палуб корабля-ковчегии, пытается пробиться наверх, в круг избранных, несмотря на то, что переход с одного уровня на другой не допускается, а повторные нарушения караются смертью. Одни считают его аферистом, другие – гением, но кто он на самом деле – не знает даже Адриан Гор, как не знает, почему именно ему приходят тайные послания на личный планшет.

© Алферова М. В., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Пролог	6
Часть первая	9
Глава 1	9
Глава 2	17
Глава 3	20
Глава 4	27
Глава 5	47
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Марианна Владимировна Алферова
Третье поколение
фантастический роман

Авторская редакция

Беляевский фонд поддержки и развития литературы

Пролог

Год 77-й полета. 14 сентября по условному календарю корабля. Палуба Е

Адриан Гор по прозвищу Кошмар таился в засаде и ждал. Самое трудное во время контрафактного перехода с палубы на палубу – это ожидание, тягучее и пресное, как желе на десерт в промке. Почти полная темнота, вязкий тепловатый воздух и протяжные скрежещущие звуки, будто корабль стонал от тянущих болей в переборках и жаловался Гору на свою незавидную участь.

Узкие ремонтные мостки, куда заполз Гор в ожидании грузового лифта, покачивались, леерное ограждение с одной стороны скалилось острыми зубьями обломков. За полгода, что миновали с предыдущей попытки прорыва, здесь ничего не изменилось, разве что сильнее стала сочиться вода. А еще кто-то говорит, что старое корыто прослужит тысячу лет! Да его и на сотню не хватит!

Когда ты заперт на своей палубе – учишься, работаешь, космишь с друзьями, тебя не покидает чувство тесноты. Но пробравшись в технологические помещения корабля, внезапно осознаешь, как огромен космический левиафан, как сложен и почти непостижим, а ты просто вредный жучок, ползущий под корой огромного дерева. Адриан помнил, как умирала большая сосна в главном холле их палубы. Говорят, саженец посадил еще Первый Командор. А спилили ее во время первой отлучки Гора. Уходил – дерево еще пыталось жить. Вернулся – и взгляд уткнулся в незнакомую пустоту.

Надя говорила, что корабль похож на слоеный пирог, который положили на блюдо, а когда снимали со стола, к доньшку прилип кусок непропеченного теста. Женское сравнение, но именно так на голограммах левиафан и выглядел – слои-палубы одна над другой, базис-платформа как блюдо, и под нею уродливый пузырь трюма. Верх и низ, конечно же, условные, как и всё на корабле.

Лежать было неудобно – острые ребра настила впивались в тощее тело, Адриан выпустил перчатку из обшлага комбеза, чтобы не исцарапать ладонь. Сверху капала тепловатая вонючая вода, прямо на плечо, рукав пропитался насквозь, капли то и дело срывались с согнутого локтя вниз. Воздух здесь был мутен и пропитан пылью. В полутьме можно было угадать черные стойки застывшего в нелепом поклоне крана, заросшие столетней грязью переборки, на фоне которых кишка транспортного туннеля напоминала огромного прозрачного червя, излучающего мутный свет. Поверх слоя грязи топорщились кустики сероватых лишайников – жизнь, какой бы она ни была, скорчив гримасу превосходства, одолевала мертвечину.

«Дно тебя ждет!» – начертал неизвестный размашистыми синими буквами на плите, что уже не первый час маячила у Гора перед глазами. Буквы еще немного светились, и, если приглядеться, можно было угадать абрис белого черепа вместо подписи. Плита уходила вверх, в темноту, откуда свешивались истрепанные кабели транспортного лифта. Скорее всего, картинку оставил нарушитель, дерзнувший, как и Гор, пренебречь запретом на переход с одной палубы на другую.

Для Адриана ожидание было невыносимым вдвойне, вся его лихорадочная, верткая, взрывная натура противилась неподвижности. Он гримасничал, строил в темноту коридора рожи и старался думать о том, что его ждет на палубе С, куда он теперь стремился. Согласно схеме корабля там располагались научная база биотехнологов, опытные оранжереи и лицей для третичников. По своему опыту Кошмар знал, что старые схемы лгут. 77 лет – долгий срок. Корабль латали, ремонтировали, перекраивали. Оставалась надежда, что именно с сишной палубы, как прежде, должен существовать выход в надбиблиотеку, а это означало – доступ к архиву информпакетов, присланных вдогонку кораблю с Земли. Что там, в библио-

теке, – трудно даже представить, от одного предвкушения кружилась голова. Но без надбиблиотеки невозможно понять, как ускорить полет ковчега. Кошмар раздумывал над возможностью прыжка чуть ли не с самого рождения, во всяком случае, с той минуты, как узнал, что он родился и умрет на космическом корабле. Кое-что удалось откопать в корабельной Сети. Но не хватало данных, и все дерзкие проекты оставались только картинками в его жалком планшете. Иногда ему снилось, что он очутился в библиотеке, просматривает архив и находит подсказки, и он в самом деле находил их во сне, как будто в грезах сумел миновать перекрытия палуб и ступить в священное хранилище научных знаний. Там было просторно, светло и льдисто-холодно.

А мысли упрямо возвращались к нетерпеливому, включенному на повтор заклинанию: ну когда же, когда же, когда же спустится этот чердырный лифт!

Прошло уже часа три по корабельному времени, а транспортная платформа наверху все так же оставалась неподвижной. Второй лифт лязгал где-то внизу, переправляя грузы из промки на палубу *E*, а вот верхняя платформа категорически не желала двигаться. Гор поднял голову и посмотрел на блеклую кишку туннеля. Судя по сигнальным огням, грузов для отправки на высшие палубы не поступало. Вот же непруха!

Кошмарный путь Кошмара. Гор уже не помнил, когда получил это прозвище. Может быть, после того, как прорвался на палубу *G* вместе с толпой ребятни, и они с радостными воплями бегали по коридорам в надежде узреть невиданные чудеса. Или после того, как выстрелил в живот бандиту, когда взрослые мужики боязливо жались к переборкам? Или когда накинулся на префекта с кулаками, требуя отыскать и вернуть похищенных во время налета? Он принял это прозвище как второе имя, и даже подумывал сделать татушку на руке. Но на самый примитивный рис нужны доны, с нулевым счетом в салон не сунешься, а донатов Кошмар не получал уже давно.

Внизу под ребристыми мостками, на которых растянулся Гор, грузчики точно так же, как он, маялись в нудном ожидании. Голограмма мигала красным – груз с промки где-то застрял, и двое в маслянисто поблескивающих комбезах обменивались ментальными пузырями. Те лопались при прочтении, рассыпаясь мелкими синими или желтыми искрами, парни радостно гоготали и сыпали отрывочными ругательствами.

- Зац, чо сук пуск.
- Не фони.
- Упер.
- Капец.
- Не круто.

Их разговоров Гор не понимал, да и не стремился понять. Плавная длиннословная речь осталась где-то на верхних палубах, отрезанных, будто щитом, щелястой эмблемой пограничной страты *E*. Промки обменивались словами, как тычками: чтобы двигать рычаги и чинить механизмы, нет надобности вести дискуссии. Но эти двое могли дать фору любой промке, даже в холдере не изъяснялись так убого и безмысленно. Хуже ожидания донимали Гора примитивные образы, что швыряли друг другу его соседи под мостками.

А голограмма все мигала и мигала красным, и груз все не хотел прибывать.

На палубу *C* Гор пытался пробиться уже в третий раз. В первый – сорвался с залитой чем-то осклизлым металлической лестницы, упал, сломал руку, разбил в кровь колено, а бедро превратилось в один черный синяк – хорошо, тогда кость уцелела. То хрипя от боли, то скуля, кое-как подвязав изувеченную руку ремнем от страховочной обвязки, сполз он до подсобной палубы, куда нашел дорогу в обход прочих промышленных уровней. Лечили в подсобке без обезболивания, зато без вопросов. Никто не доставал: что случилось, и где тебя так угораздило навернуться. Подсобники – люди равнодушные. Каждый – в своем боксе-клетке, мелкое злобное насекомое, ненавидящее прочих, но слишком слабое, чтобы нападать открыто. Жалят

исподтишка – Адриан Гор изучил их за годы скитаний, когда раз за разом возвращался в корабельную подсобку отсиживаться и искать новые пути вверх. Свободных боксов там полно, карту на гарантийку не выдают, но по заявке можно прикрепиться к одной из столовок и получать положенный минимум.

Во второй раз его поймали сишники, когда Кошмар вообразил, что миновал охрану. Это было третье его строгое предупреждение, а поскольку 31 августа по корабельному календарю ему исполнилось шестнадцать, то теперь в случае поимки его могут прикончить по закону высших палуб. Внизу, в промке, такой строгости не блюдают, смерть грозит только за умышленку, то есть за умышленное убийство, за всё прочее, в том числе и за самовольный переход, – порка, порой символическая – в два-три удара, порой зверская – в сотню, но боль можно вытерпеть, шкура заживет, вопрос тут в другом – какая радость менять один промышленный уровень на другой? Иногда особо рьяных нарушителей ссылают в холдер, но это тех, кому исполнилось двадцать – в трюме показатели защиты ниже, потому детей и подростков туда не пакуют.

После поимки сишники выпороли нарушителя и принудительно отправили на палубу *H*, в зону приписки, но по дороге Кошмар сбежал и затаился у подсобников. Здесь Гор полгода отсиживался, роясь в архивах и схемах корабля, прокладывая новый путь на недоступный уровень, изучая все, что мог найти про защитные зонды и создание конструкторских программ. В информации было много пробелов, одни разделы не стыковались с другими, и здравый смысл утекал в разрывы инфы, как воздух в пробоины корпуса корабля.

В ночные часы по условному времени Гор выползал из грязной каморки и брел проверять свои догадки в закуток, который оборудовал под временную мастерскую.

Подсобная палуба лежала ниже промки, последняя пульсирующая жила корабля на плюсовом уровне, а под нею – ангарная палуба промышленной зоны и еще ниже – базис-платформа, сберегающая жизнь всему живому на всех уровнях – дающая гравитацию и защитное поле.

Под гравитационной платформой находился холдер, огромное корабельное брюхо, вместительные припасов, запасных блоков, тяжелого оборудования, топливных танкеров, дублирующих систем регенерации воздуха и воды, аварийных запасов. В общем, всего-всего, потребного на корабле поколений. Иногда холдер именовали мини-планетой. И в самом деле – трюм был под завязку набит дарами, которыми матушка Земля снабдила обитателей ковчега, отправляя их в дальнейшее путешествие в составе конвоя к Новой Земле. Слово «конвой» отсылало к далекой истории, к земному холодному бушующему морю, злобному ветру и транспортам, беззащитным перед смертельной опасностью в глубине. Родившийся на корабле Кошмар видел море лишь на голограммном видео, а ветер представлял потоком воздуха из огромного вентилятора, но Гор поклялся себе, что увидит море в будущем – на Новой Земле.

И вот спустя полгода он снова двинулся от промышленных палуб к палубам научным, заранее предчувствуя на губах солоноватый вкус крови, как вкус опасного приключения. О том, что в случае неудачи его ждет смерть, он старался не думать, но мысль об опасности лежала где-то на задворках сознания, заставляя руки дрожать, а кожу – покрываться холодной испариной. Он тряс головой, переводил дыхание и прятал страх подальше, как запрещенную дурь в потайной карман.

Внезапно голограмма перестала мигать красным, лифт наверху дернулся и поехал. Еще несколько минут, и Адриан Гор устремится вверх, к научным палубам, все ближе к мозгу корабля – таинственному и недоступному Мостику.

«Самое страшное – старт!»

Часть первая

Самое страшное – старт!

Глава 1

Год 81-й полета. 11 апреля по условному календарю корабля. Палуба Н.

Когда раздалось знакомое тарахтенье тележки в коридоре, Эдгар улыбнулся и понял, что ждал с самого утра этого звука. Раздвижная дверь была открыта, и висевшая на самодельных веревочках вывеска «аппаратная» колебалась, следуя потокам воздуха, что гуляли в центральном коридоре. Воздух был с примесью дезинфекции, которая, впрочем, не могла перебить затхлый запах. Смерд этот появлялся всякий раз, когда во вспомогательных отсеках травили сопутствующую фауну корабля.

Эдгар свернул гибкую клавишу, освобождая место на старом, покрытом пятнами столе. Надо всего-то получить в кладовой спрей и сделать новое покрытие, но донаты, потребные на такие прияшки, все вышли. К тому же обидно тратить личные доны на лакировку рабочей норы. Так и работал Эдгар в боксе с темными потеками на переборках и протертым до дыр напылением под ногами.

Принтер, хрипя от натуги, печатал объявления префекта: 12 апреля – традиционный праздничный ужин, в меню грибы (настоящие, не синт) и тыквенный пирог, а после пиршества – голограммное видео и дискотека для третичников, а еще в трех боксах откроют временные бары. Расслабуха на всю катушку, «для юнитов донаты вносить не требуется». Легковесное словечко «юнит» давно прижилось в сленге третьего поколения, было в нем что-то от игры и безответственности. А вот воинами безопасников никто и никогда не называл.

12 апреля – святой день. Эдгар от себя добавил в объявление классическое изображение Юргара в светящемся шлеме, но на рыхлой бумаге оно расплылось серым пятном.

Тарахтящий звук тем временем замер, и в аппаратную втиснулся Тэп – сухощавый темнолицый человек с седыми висками и обильной лысиной, делавшей и без того высокий лоб карикатурно-огромным. Стандартный сине-серый комбинезон, спеченный на автомате на два размера в плюс, болтался мешком, стянутый на талии не страховочным ремнем, а обрывком махристой веревки. Тэп принадлежал ко второму поколению, но вечерами ошивался в молодежном клубе «Лира», как раз в центре кластера третичников. Тэпа не гнали. Никто не знал его настоящего имени, а себя вторичник напыщенно именовал Тибериусом Эпиктетом, остальные кликали Тэп, будто подзывали пса. На промке предпочитали короткие клички, как удар по клавише, как голограммы-смайлики, что сыпались десятками из ментальных пузырей, в дополнение к любой послашке. «Все должно быть функционально!» – девиз промки, вросший в мозг каждого юнита, повторялся присказкой к любому наставлению.

– Держи! – Тэп выложил перед Эдгаром пачку рыхлой серой бумаги. Пачка была стянута полосами широкого пластика, от которых на дрянной бумаге остались заломы по краям.

Эдгар провел пальцами по махристой поверхности.

– С каждым разом бумага все хуже, – заметил он. – Ее, может, даже принтер не схавает.

– Не переживай, друг, скоро от руки переписывать будешь, – хмыкнул Тэп. Он неожиданно уперся руками в стол, склонился к самому уху Эдгара и шепнул: – Гоу со мной, пора изумляться.

Как курьер Тэп с утра до вечера путешествовал по коридорам Н-палубы, время от времени спускаясь на уровень или два ниже, до самой подсобки – межстратовый пропуск у него

имелся. Не проходило и недели, чтобы он не притаскивал с собой гостинца. Возможно, он даже проникал в запретную зону, но точно этого никто не знал: в ответ на все вопросы Тэп пожимал плечами и загадочно улыбался.

Находки волновали и пугали Эдгара. Обычно это были осколки прежней жизни – старые, уже ни на что не годные вещи, оставленные вторым или даже первым поколением. Первое поколение – предков – Эдгар видел в самом далеком детстве. Рассказывали, что сейчас последние старожилы обретаются на высших палубах, но в промке так долго не живут. Эд старался не задумываться о длине жизни, тем более что завершиться она должна была на корабле: полет, рассчитанный на полторы сотни лет по собственному времени для конвоя при старте, для их ковчега теперь растянется на тысячелетие.

– И что ты нашел? Под порку не угодим? – понизил голос Эдгар.

– Гоу, гоу, никакой запретки, мой осторожный друг, – заверил Тэп.

Если честно, Эдгару совсем не хотелось отправляться в дальнейшее путешествие, но почему-то Тэп выбрал юного клерка в друзья и поверял ему свои маленькие тайны, которые манили и пугали. Тэп был напорист, Эдгар подчинялся, но зачастую находил возможность улизнуть.

Они вышли в коридор, Эдгар вытянул раздвижную дверь и запер на простенький механический замок – электронным он перестал пользоваться уже давно. Для вора взломать такой замок – плевое дело, но в центральных коридорах днем полно народу, при людях дверь курочить не станут, а на ночь Эд опускал самодельные жалюзи. Одно время, когда воровство приобрело характер эпидемии, он спал на палубе в аппаратной, придвинув к двери стол для блокировки. Воровали в основном краску – ее и сейчас Эдгар прятал в самодельном шкафу с кодовым замком, заказал у Джи за пару донатов. Сейчас это бедствие несколько поутихло после того, как префект устроил повальные рейды и всех пойманных с ворованным секли и клеймили. Тогда Пик, друг Эдгара, буквально с пеленок – потому как они и в одном ясельном боксе провели первые годы, а затем на уроках в школе торчали рядом – пойман был с ворохом краденого, в том числе вещей из аппаратной. Но уличенный и выпоротый, при встрече Пик радостно улыбался, тянул руку для пожатия и лез с разговорами, как будто ничего не произошло. Эд вынужден был терпеть его, потому что не умел дать отпор. А вот бабушка (Эдгар помнил ее очень смутно, она уже двенадцать лет как отправилась в Утку), рассказывала, что среди первого поколения воров поначалу вообще не было.

– Привет, Эрг! – окликнула клерка девушка в сине-зеленом трико и широкой белой футболке. Через плечо у нее висела сумка с инструментами.

Смуглокожая, гибкая, с тонкими чертами лица, с мелкими завитками медных волос – наследство африканской крови, она заставляла Эда цепенеть взглядом зеленоватых глаз, чьи радужки напоминали ему фотографии далеких газовых туманностей.

Почти все девушки третьего поколения игнорили форму. Лишь упертые карьеристки, воображавшие, что их возьмут на верхние палубы, если они будут следовать уставу и спать с начальством по первой предложке, все еще заказывали себе комбезы с эмблемами корабля.

– Привет, – отозвался Эдгар. Девушку звали Джи – то есть она так себя называла. На самом деле полное имя ее было Джессика. Они иногда встречались на камбузе, а еще пару раз на палубных космишках, когда практически все обитатели боксов вываливались в просторный холл, где из вентиляции сладко дышало мутящими разум парами.

– Где новый приказ префекта по нашей палубе? Опять принтер сгорел? – спросила Джи.

– Зайди часа через два, – предложил Эд. – Бумагу сегодня привезли дерьмовую, придется помучить принтер. И потом у меня дела.

– Отсчет пошел, два часа, – отозвалась Джи. И уже миновав друзей, подняла руку и повертела ладонью из стороны в сторону – мол, пока-пока.

– Твоя девчонка? – спросил Тэп.

– Нет, ну что ты, – смутился Эдгар.

– А почему нет?

Эдгар скорчил недоуменную гримасу – мол, не знаю, и не пытался даже.

– Так дерзни, мой робкий друг!

Эдгар невольно сморщился. Быть дерзким – плохо, этому учили с детства. И разницы между дерзать и дерзить не видели. Надо всех слушаться, сидеть тихо, говорить только когда разрешат, не бегать, не кричать. Если бегаешь и дерзишь, тебя запирают вместо перемены в карцер.

– Эй, чего замер? Столбняк напал? Или медитируешь? – Тэп подхватил тележку, и они двинулись по коридору. Пустая тележка дребезжала раза в три громче, чем прежде груженная.

Впереди робот-уборщик драил стену – вниз-вверх, вниз-вверх. Движения неровные, дерганые, губка вставлена в единственную пластиковую руку вместо механической кисти. Вода подавалась из тонкого шланга толчками, но слишком обильно – за железным работягой тянулся влажный след, то и дело превращаясь в лужицы желтоватой технической воды. Вода ощутимо отдавала хлоркой. Сейчас стены переборки совершенно голые, если не считать прорезей дверей и технологических лючков. А когда-то – рассказывали – их украшали голограммы первых астронавтов и космонавтов и улыбочивые портреты высших офицеров корабля. Но после гибели Первого Командора голограммы исчезли.

Для командиров корабля звание стало именем, как «Цезарь» у властелинов Древнего Рима. А еще их называли Первый, Второй и Третий, будто королей на Старой Земле. Все эти подробности Эду сообщил Эпиктет – он много чего знал.

– Когда библиотеку откроют? – Перед товарищем Эд старался выглядеть интеллектуалом. На самом деле проблемы с библиотекой ему были до звезд.

– На собрании уверяли: через неделю.

– Неделя уже прошла. Даже больше, – напомнил Эдгар.

– Может, снова собрать людей?

– А толку? С палубы *D* от ученых к нам опять никого не пришлют. И от ремонтников в прошлый раз никто не спустился. Архивариус как был ломаный, ломаным и останется. Поглазеем друг на друга, примем решение и разлетимся.

– Выход прост: выбить дверь и самим открыть библиотеку, – предложил Тэп.

– Хочешь, чтобы тебя поймали и клеймили? Ну-ну.

– Трусость – «самый страшный порок», – Тэп обозначил голосом кавычки неизвестной цитаты. – Но тут ты прав, без архивариуса архив бесполезен. Ограничимся тем, что летает в Сети.

– Мы все время чем-то ограничены, – осмелился раздражиться Эдгар. – Нам даже с палубы на палубу переходить запрещено.

– Не всем, не всем, у меня есть пропуск, – приосанился Тэп. Хотя он именовал себя философом, но мелкими подачками гордился.

– Только вниз. А вверх – ни-ни, – уязвил Эдгар.

В детстве, кажется лет с семи, их подрастающая шайка всеми силами пыталась расширить пределы бытия, они часами ошивались в боковых коридорах, отыскивая закрытые лестницы, чтобы прорваться на палубу выше. Однажды им это удалось. Кошмар взломал замок аварийной лестницы, и ребяты толпой ломанула наверх. С лестницы изнутри дверь открывалась свободно, и они, радостно гомоня, выскочили на палубу *G* в ожидании чудес. И что увидели? Точно такой же грязноватый коридор, ряды дверей, все тех же унылых взрослых, малышей, обряженных в оранжевое. Тот же запах с примесью хлорки, гул генераторов в техническом блоке, стеклянные двери в оранжерею. Разве что небольшой холл с броской табличкой «Зона рекреации», на палубе *H* совершенно пустой, здесь был заставлен горшками с буйными растениями, сладко и незнакомо пахнущими. Под сенью зелени выставлялись крутыми бочками скамейки для отдыха, манила присесть тахта в виде большой раковины, в прозрачном

шкафчике теснились капсулы с музыкой и книгами. И еще здесь висело светящееся табло, на котором значилось время полета: «69 лет, 2 месяца, 12 дней. Время собственное». Чуть ниже второе табло отсчитывало часы, минуты, секунды.

Здесь, в зоне рекреации, их всех и повязали безопасники и тут же спустили палубой ниже, к месту приписки. Поскольку детей на корабле не клеймили, то наказание ограничилось поркой, весьма в этот раз болезненной. Но миновала неделя, поджили рубцы, и Кошмар вновь полез искать пути наверх, кляня себя за то, что подался на промпалубу *G*, тогда как можно было подняться выше, хотя бы до таинственной и загадочной *C*, где, как утверждал Кошмар, велись поиски новых биоматериалов. «Новая пастила вместо мерзких синтов!» – размечталась Джи. «Си» почему-то особо манила Кошмара. Куда только не совался он в своих новых экспедициях – тощий и мелкий, ловкий и изворотливый, будто змея, он пробивался в вентиляционные отсеки, спускался в канализацию, и там однажды чуть не застрял навсегда, но, освободившись каким-то чудом, тут же попытался в пустом контейнере на транспортере добраться до грузового лифта.

Поначалу самые отчаянные следовали за ним, но с каждой новой поркой спутников у него убавлялось, пока Кошмар наконец не остался один. Его упорство не могла перешибить ни одна плетка. Время от времени он исчезал, чтобы вернуться с потрясающими рассказами о своих открытиях. Во-первых, он сумел побывать на балконе, который был закрыт давным-давно, во всяком случае, красная запретная табличка горела на двери балконного шлюза, сколько Эдгар себя помнил. С балкона Кошмар обозревал открывшийся ему вид и даже сделал несколько изок на свой планшет. Столпившись вокруг гордого путешественника, «банда» рассматривала звезды и засыпала Кошмара вопросами. «А где же “Джеймс Кук”?» – «Здесь, впереди», – уверенно указывал Кошмар на одну из звездочек. – «Вот бы добраться туда», – шептала Джи мечтательно, и все остальные кивали – Эдгар, Пик, Ташка. Потом Кошмар отыскал задранный технологический колодец и по нему переползал с одной страты промки на другую, пока им не овладела новая страсть: он стал искать доступ на ангарную палубу – к шаттлам, чтобы добраться до «Джеймса Кука» и поглядеть, как там все устроено.

Последний визит шаттла с «Кука» состоялся очень давно – Эдгару тогда исполнилось семь, это был как раз его день рождения, и внезапный визит затмил все радости детской днюхи – торт с желто-синим кремом, фейерверки и шипучий лимонад. По информканалу Сети на больших голограммных экранах в зоне рекреации и в столовой транслировали прибытие шаттла и встречу экипажа с научной группой на палубе *D*. Потом куковский шаттл улетел, и следом отправились еще два их собственных челнока с Мостика. Но назад они не вернулись. Не вернулся и Кошмар – он где-то сгинул в своей последней экспедиции. Время от времени вспоминая о нем, Эдгар робко надеялся, что Кошмар добрался до ангарной палубы, угнал шаттл и достиг загадочного «Джеймса Кука», прежде чем случилась авария, и их кораблю пришлось сбросить скорость до сотки от световой, чтобы не быть размазанным на атомы первым попавшимся на пути метеоритом.

– А ты знаешь, что Джеймса Кука убили на Гавайских островах? – Тэп решил блеснуть эрудицией, чтобы сгладить неприятный осадок от насмешки младшего друга.

Эдгар очнулся от раздумий, зачем-то кивнул, хотя этого факта не знал, к тому же ему было совершенно все равно, как погиб Кук.

– Возможно, Кошмар застрял между палубами, – сказал он, резюмируя нахлынувшие воспоминания.

Но Тибериус на его слова не отреагировал.

– Надо же, чистюль не всех еще истребили! – удивился философ и указал на адсорбирующий шар.

Шар прилепился к стене под самым потолком, из проколотого брюха биотеха тянулась липкая густая нить. Вообще-то это была чрезвычайно полезная штука, способная вытянуть из

воздуха и рассортировать по капсулам всякую вредную хрень, но школята, всякий раз заведя адсорбик, устраивали на него охоту: те, кто поменьше и полегче, взбирались на плечи высокорослым, и с гиканьем и визгом метали в шар все, что могло сойти за копье или дротик. Это называлось «конной атакой», и ребятам было до звезд, что из пробитого резервуара чистильщика им на голову лилась и сыпалась отравка.

Сейчас, заведя сморщенный шар, Эдгар весь подобрался, как будто собирался прыгнуть и, оттолкнувшись от стены, рвануть к потолку, чтобы прикончить несчастный адсорбик. Тибериус заметил его странную собранность, глянул наверх и тут же наградил довольно сильным тычком в спину. Эдгар мотнул головой, передернулся и спешно свернул в боковой коридор.

Чем дальше от центральной зоны палубы, чем ближе к корме, тем реже попадались обитаемые боксы. Мертвые ячейки без людей, опутанные синими сетками примитивной защиты, тянулись на десятки метров, лишь изредка сменяясь желтыми окошками, за которыми мелькали людские тени – намек на жизнь, на упрямое копошение. С каждым годом людей в жилых боксах становилось все меньше, а с Мостика не поступало приказа на генерацию четвертого поколения. Третье давно выросло, и на корабле сейчас почти не осталось детей. Поговаривали, что время от времени кто-то рождает, но Эдгар в этом году видел маленького ребенка лишь один раз – в каюте префекта палубы.

«Гея-2 подобна Старой Земле».

Они свернули из главного коридора в короткую боковую ветку. В торце чернели двери аварийного шлюза – металлические, давно не чищенные сомкнутые челюсти. Эдгар пожалел, что не взял в их маленькое путешествие маску, такая здесь стояла вонь. Стены боковухи были сплошь изрисованы, многие надписи шли уже вторым слоем, сюда механические маляры не заглядывали месяцами. Первое поколение боролось с этим бедствием, второе – махнуло рукой. От надписей сберегали только главный коридор, а в боковухах ревелись все, кому не лень. Вернее, все, кто мог добыть дорожную краску.

«Роботы не ставят подписи», – прочел Эдгар огромные буквы черным. Обрывок старого плаката был замазан сверху серой краской. «Мы можем видеть звезды», – вывел кто-то старательно и мелко-мелко. «Напейся и стремись!» – размашисто и криво намалевал страдающий манией величия художник от одного шлюза до другого. – «Голдовых драконов никому не победить во веки вечные!» Ну, с последним лозунгом все понятно – в «Золотых драконов» на корабле играли уже лет пять. Каждый год программисты с палубы *D* ставили обновление игры, и популярность ее все росла. Особо преданные поклонники нарочно выпускали в коридоры голограммы драконов, и сверкающие золотом миракли летали под потолком или таились по углам, пугая припозднившихся гуляк. Обычно игроки пользовались вирт-шлемами и перчатками, но встречались продвинутые, кто тратил накопленные доны, чтобы вшить себе нейрошунт. Тогда игровое поле теряло границы, ты уже не в крошечном боксе, и даже не на корабле, а на новой планете. Не надо лететь на Гею-2, чудный мир уже в твой: леса, долины, реки, драконы и боевые носороги, выбирай будущее на любой вкус. Спецкостюм покрывает каждый квадратный миллиметр твоего тела, ты бог или тролль – тот, кем изъявил желание стать; можешь махать мечом, бежать, обгоняя ветер, заниматься любовью. Но в Сети Иск-ин дарует обитателям промки лишь час бесплатной игры в «Драконов», за каждую следующую минуту надо сыпать доны. А с донатами у большинства третичников глухо. Одних это застав-

ляет заняться воровством и мелким жульничеством, других – искать дурь вроде «Черной материи».

«Время игре! Дайте больше времени!» – написал отчаявшийся игрок.

Кто-то выбросил в боковуху мешки с мусором, причем совсем недавно, а кто-то другой рылся в них, распотрошил и разбросал содержимое. На прошлой неделе Тэп (по совместительству добровольный уборщик) выволакивал отсюда мусорные мешки. Почему люди не могут дотащить пакеты до приёмников утилизатора подле каждого десятого бокса в главном коридоре – великая тайна. Может быть, все дело в сломанной камере наблюдения в боковухе – вывернутая из своей ячейки, она висела на единственном проводе, уставившись незрячим глазом в пол. Ну а дроны охраны после взрыва в этот коридор не заглядывали, будто у механических псов имелся особый инстинкт самосохранения. Впрочем, отсутствие камер сейчас путешественникам на руку.

Коридор был короткий – шлюз после аварии заблокировали навсегда, на стальных дверях висела табличка: «СТОЙ! Зона взрыва». От шлюза по стенам тянулись щупальца черной копоти, что просочилась каким-то образом сквозь задраенные двери. За много лет, миновавших со времени взрыва, никто не пробовал ее отмыть.

День, когда случился взрыв, Эд помнил очень хорошо. Помнил, как корабль содрогнулся всем корпусом, как мигнул и погас свет, потом включились аварийные лампы. Взвыла сирена, училка замерла на месте за столом, не зная что делать.

– Наверняка учебная, – пробормотала она.

– Скафы! Надеваем скафы! – крикнул Кошмар, вскакивая. – Быстрее!

Ребята кинулись к личным шкафчикам. Сирена все выла, пока они одевались, пока прилаживали баллоны с кислородом, пока задраивали шлемы. Потом они сидели, сгрудившись на полу, и ждали. Сирена наконец смолкла, но спокойнее от этого не стало.

– Мне мало энергии надо, всего один эрг, одного эрга хватит, – все время повторял Эдгар. С того дня его и стали кликать Эргом вместо Эдгара.

Все видели, как училка плачет, – щитки их скафов были прозрачными. Ташка тоже плакала. А Джи вертела головой, потом сообразила, включила переговорник и показала жестами остальным, на какие кнопки нажимать.

– Корабль расколется, – предрек Пирс. – И мы все умрем.

– Заткнись! – приказал Кошмар.

– И не подумаю, – огрызнулся Пирс. – Об этом в Сети писали: корпус из блоков сляпали. Вот на блоки он и дристнет.

Вдвоем с Кошмаром Джи включила аварийную трансляцию, которая почему-то оказалась выключенной.

– ... в ближайшее время ковчег начнет аварийное торможение. Протокол сброса скорости запущен. В течение часа все должны занять места в страховочных креслах, все вещи должны быть принайтованы. Базис-платформа нейтрализует воздействие ускорения, однако в первые два часа возможны колебания гравитации и появление дополнительной инерционной массы.

– Кирдык кораблю, – с восторженным ужасом пробормотал Пирс.

«Занятно, – подумал Эдгар. – Но с тех пор никто не проводит учебные тревоги. В последний раз сирену включали, когда ремонтники устроили грабеж на нашей палубе. Джи говорит: сирену сломали, чтоб не будоражить людей».

И еще одна странная вещь с этим давним взрывом, Эдгар давно ломал над нею голову. Надо бы спросить у кого-нибудь. Да хоть у Джи.

– Сюда! – Тэп указал на серую дверь, за которой обычно прятались электрощиты или аварийные спасательные камеры.

Эта дверь, впрочем, не была помечена каким-то знаком. Тэп открыл ее простым поворотом ручки. Они увидели маленькое пустое помещение, заваленное хламом: порванная дыхательная маска, латексные перчатки, несколько смятых бактерицидных салфеток, порывшийся обрезок когда-то белого сифона. А в стене – вторая дверь – на этот раз с замком, замок был не механический, а магнитный, покрытый серым липким налетом, на кружках кнопок для набора кода не различить было цифр.

Тэп нажал четыре кнопки и дернул дверь, она заскрежетала и со второй попытки открылась.

– Я заметил, что на четырех кнопках нет налета, и нажал их. Сообразительность – залог выживания, – самодовольно сообщил философ.

Эрг застыл на пороге. Бокс, по размерам раз в пять больше обычного жилого, до половины был заставлен коробками, причем запечатанными, новенькими. Как будто они стояли здесь со времен первого поколения, с того дня, когда собранный из модулей на орбите Земли ковчег начали загружать всем потребным для дальнего путешествия, из которого ни один звездоплавателю не планировал вернуться на Старую Землю. Но не вид этих нетронутых сокровищ заставил Эдгара замереть на месте. Напротив двери в стене помещался круглый иллюминатор. Сейчас стекло из плавленого кварца было закрыто наружной заслонкой, но это был настоящий иллюминатор, и его можно было открыть!

Эдгар принялся переставлять коробки, прокладывая дорогу к корабельному оку. Наконец, добравшись до пульта на стене, он нажал кнопку открытия заслонки. Медленно, будто металлические веки, разошлись створки. И Эдгар увидел небо, которого никогда, ни разу за свою жизнь не видел, только на голограммах и в планшете Кошмара. Просто чернота, густая как бархат, и на ней белая россыпь звезд. Минут десять Эдгар смотрел на звезды и не двигался. Потом спросил:

– А где остальные? Где «Джеймс Кук», «Магеллан», «Седов», разве мы не должны их видеть?

– Невооруженным глазом они никогда не были видны, слишком маленькие объекты. А теперь к тому же слишком далеко, – отозвался Тэп.

– Мы что, остались одни из всего конвоя?

– Говорят, мы получаем сигналы, – не очень уверенно заявил Тибериус. И внезапно раздражился: – Ты не находишь, что это вообще не наше дело.

Эдгар весь внутренне сжался, почувствовав себя брошенным, как в самом далеком ясельном детстве, когда его в наказание оставили одного в игровой каюте и ушли. Ужас того одиночества застрял где-то так далеко, что вытравить его уже не представлялось возможным. Тот ужас был сродни этому – обреченность, позабытость, пустота.

– Классно, да? – Тэп радостно потер ладони.

– А что мы будем делать здесь, в этой каюте? Зачем она нам? – Эдгару перестала нравиться затея Тэпа.

– Клуб можно устроить.

– Клуб? Зачем? – Эдгар даже рассмеялся.

– Дискуссии вести.

– То есть болтать? О чем?

– Ну... – Философ изобразил раздумье. – Разве нам не о чем говорить?

– Вечер, ночь – это время игр. Кто променяет хорошую игровую карту на болтовню в нашем закутке?

– Живое общение.

– Не, это точно не прокатит. А вот кафе можно устроить. В кафе народ пойдет. Или дом ужасов оборудовать.

Эдгар потянул носом затхлый воздух, в котором, казалось, вообще не было кислорода: у него закружилась голова, стало дурно.

– Странное место. Вентиляции нет.

– Есть, но поломана, я уже проверил. Пригласи Джи в учредители, она починит, – посоветовал Тэп. – Нас будет трое.

– Если она согласится.

– Так сумей уговорить.

– Вот же чердыр, глянть! – Эдгар ткнул пальцем в иллюминатор.

На фоне звезд возник шаттл, судя по всему, их собственный, стартовавший с ангарной палубы корабля. Световой луч освещал корпус идущего параллельным курсом челнока, и оттого казалось, что маленький кораблик сверкает и светится сам. Только вид у него был странный – он как будто был разрезан надвое: остались только нос и корма, а вместо центральной части корпуса – чернота. Или это от недостатка кислорода помстилось?

– Ну, что там еще? – спросил Тэп, рисовавший на планшете планчик их будущей кафешки.

– Вот! – Эдгар снова ткнул в иллюминатор, в сторону шаттла.

В этот момент по поверхности черноты в центре челнока пошла рябь – как будто тьма закипела. На миг перед глазами тоже стало черно – абсолютный мрак затопил все вокруг, проник в каждую клеточку тела, нахлынуло ощущение ужаса, в эту черноту затягивало, как в пропасть. Миг, и наваждение схлынуло. Эдгар моргнул, глянул в окно. Шаттл пропал.

– И что? – спросил философ, глядя в иллюминатор. Там остались только звезды.

– Ты почувствовал? – спросил Эдгар дрожащим голосом. – Будто волна прошла.

– Скачок гравитации. Бывает.

– Давай вот что, давай закроем этот бокс и подождем.

– Зачем? – удивился Тэп.

– Проверим, не пользуется ли кто этой конурой. А то нас обвинят в самозахвате.

Эдгар спешно задраил иллюминатор. Может, открывать заслонки вообще запрещено? И теперь ему дадут строгое предупреждение и выпорют. Или оштрафуют. Странно, что простая кнопка открыла заслонки, что они не были заблокированы.

– Я проверял: по перечню этот бокс свободный, можно подать заявку префекту, – отозвался корабельный философ. – Я, кстати, уже подготовил, завтра pošлю. Только придется ждать три месяца как минимум.

– Подождем, – закивал Эрг. – Разве мы куда-нибудь торопимся?

– Ну ты и трусишка, – хмыкнул философ.

Глава 2

Год 77-й полета. 14 сентября по условному календарю корабля. Палуба С.

И все же Адриан Гор угодил в лапы безопасников во время своей третьей попытки подняться на палубу С. Попался по глупости – не проверил накануне броска расстановку наблюдательных камер. А ее, новенькую, как раз вклеили возле грузового лифта. Гор не успел еще нырнуть в боковой коридор, который присмотрел заранее и где можно было отыскать заброшенные боксы, подходящие для укрытия, как его скрутила охрана. Удар по голове не вырубил на месте, но укол какой-то дряни отключил.

Потом были сны – сначала нелепые и странные. А потом приснился его старый сон, еще из детства.

Ему лет шесть, и он бежит по оранжерее с какой-то девчонкой. Она вроде как и знакома ему, но имени ее он не может вспомнить. Она в белом платьице, в белых туфельках с ремешками. Белокурые волосы ореолом сияют вокруг ее личика. Оранжерея огромна, они бегают среди высоких растений, увитых лианами, играют в прятки. Сверху падает белый легкий пух, и кто-то, возникший на миг, шепчет, что это снег. Гор догоняет девочку и целует ее в щеку. Они бегут дальше, он пытается взять ее за руку, она ускользает, прячется за каким-то огромным-преогромным деревом и... исчезает.

В этом месте Гор, как всегда, пробудился. Пустота в голове и смутное воспоминание о вчерашнем – но не событиями, а скорее чувствами – злость, ярость, боль.

Кошмар на полу крошечной камеры, больше похожей на узкий шкаф – вытянуться во весь рост здесь нет возможности даже для подростка, и потому его положили, согнув ноги и пригнув голову к коленям в позе эмбриона. Голова раскалывалась. Он пошевелился. Каждая клеточка тут же завопила о боли, лицо стянула набок липкая корка – кажется, из носа шла кровь и натекла под щеку. Мерзкие струпья прилепили длинные пряди волос к коже: кто-то для верности еще раз ударил его по затылку. Он попытался встать – куда-там: руки и ноги его были стянуты прочной лентой так, что пластик впивался в кожу.

Оставалось одно: лежать на полу и не шевелиться. В прошлый раз его тоже держали в подобном боксе, выбраться из камеры он так и не сумел и не разузнал за минувшие полгода, как это сделать. Значит, все, конец? Он не мог в это поверить. Какой-то злобный сценарист написал историю его жизни так, будто поиздевался над его страстями и желаниями. А ведь он дал себе слово, что доберется до Геи-2 и увидит этот дивный новый мир.

Собственная невыдержанность отправит его в Утку. Надо было не торопиться и искать колодец – ведь должны же и на высших палубах остаться технологические колодцы, точно такие же, как в промке, как тот, по которому он поднялся до палубы Е. Пять дней он потратил на их поиск, а потом махнул рукой и решил стартовать на грузовом лифте. Нетерпеливый дурак!

Наконец дверь открыли, вошедший в камеру охранник (вернее, наполовину вошедший) – места подле головы Кошмара оставалось ровным счетом столько, сколько надо, чтобы поставить одну ногу вплотную – схватил его за шкирку и поволок по узкому коридору. Синий свет мигающих ламп придавал происходящему ощущение нереальности. Может быть, это только сон? Но боль во всем теле, тошнота и ощущение, что он сейчас вот-вот задохнется, говорили, что это реал. Никому не снится, что его тошнит, если не тянет блевать в реале.

– Где префект? Я требую префекта, у меня инфа, сверхважная! – Помнится, в прошлый раз это сработало. Сработало, но не спасло. Впрочем, до префекта он тогда не добрался, только до его помощника, а тот даже не стал слушать нарушителя из промки.

– Префекта треба называть «барон», – пнул его под ребра один из безопасников. – А нас – всадниками.

– И где ваши лошади? – не удержался и пошутил Гор.

– Остроумец выискался! – рявкнул безопасник и лягнул его по ребрам так, что кости хрустнули, а воздух напрочь вышибло из легких.

Пленника приволокли в какую-то комнату – в этот раз весьма просторную и больше похожую на мастерскую. Здесь здоровяк в черной форме вздернул Гора в воздух и опустил на плоскую доску (носилки? полка? разглядеть и сообразить, что это такое, Кошмар не успел). Второй парень, – тот, что достал его из камеры, – начал прикручивать тело к доске клейкой лентой.

– Послушайте, это какое-то недоразумение, префект палубы *Н* направил меня...

Договорить Гор не успел – ему заклеили рот той же лентой, что прикручивали тело к доске.

Потом один из парней жестом обозначил: все отлично, а второй неспешно, смакуя каждое слово, зачитал приговор:

– Адриан Гор, по прозвищу Кошмар, приписанный к палубе *Н*, за четвертое злостное нарушение дисциплины получает четвертое строгое предупреждение и приговаривается к ликвидации в утилизаторе. Есть доводы в свою защиту?

Гор завыл, изворачиваясь и пытаясь вывернуться – куда там! Лента держала плотно, запечатанный рот не открыть, мычание, хрипы, во рту сухая корка.

– Отлично, возражений нет, подсудимый признает свою вину, – давясь от смеха, объявил ут-работяга. – Есть ли обстоятельства, смягчающие вину? На заявление дается пять минут. Время пошло! – Жестокий спектакль доставлял парням особое удовольствие.

«Путешествие должно иметь цель! Слышите! Я не хочу умирать в космосе!» – пытался крикнуть Гор.

Но лента мешала, и он мычал в отчаянии, а из глаз катились слезы.

– Парень раскаивается и плачет, – объявил палач.

«Сучары! Идиоты!» – Но и этот беззвучный вопль перешел в бессильный стон.

– Ваше последнее слово. Нет? Вы отказываетесь? Он отказывается, так и запишем.

Служитель утилизатора что-то набрал на планшете, запечатлел Кошмара, закрыл инф-окно и прилепнул планшет к рукаву своего комбеза.

– Укол будем делать?

– Зачем? – мыкнул второй.

– И то, можем вколоть какой-нибудь девке, чтоб смирно лежала в койке. А тут даже интереснее будет. Кровь фонтаном бьет, когда режешь.

И оба палача-весельчака стали запихивать Гора вместе с доской в какую-то старую бочку.

Гору представилось, что сейчас его выкинут в космос, как моряки когда-то бросали бутылки с записками в море. Или сказка была такая, что кого-то бросили в океан в бочке, а чел не только выжил, но и вырос за время путешествия по волнам. Мысли мешались.

Неужели все? Все бессмысленно, все кончено.

И некому спасти.

И тут он понял, в чем была его ошибка – он бросился в путешествие, как в омут, один, у него не было ни друзей, ни помощников, не было того, кто бы пришел на помощь. Он был вожаком, но остальные лишь ждали: что же в этот раз учудит Кошмар, не шли следом, а прятались по углам.

Бочку куда-то везли – Гор это чувствовал. А потом он ощутил толчок, и движение ускорилося.

– В последний путь, приятель! – расслышал он голос одного из палачей, а дальше все заглушил скрежет скользящей по направляющим бочки.

Гор дернулся с такой силой, что сумел каким-то чудом оторваться от доски и ударился лбом о корпус. Догадка, что его сейчас выбросят в космос, превратилась в уверенность.

Волна черного ужаса накатила и накрыла с головой, будто густая болотная жижа. Заливалась внутрь, не давая дышать, поглощая разум и требуя крика, крика. Крика.

Глава 3

Год 81-й полета. 15 июля по условному календарю корабля. Палуба Н.

Сколько себя помнила Джи, каждый день она передвигалась взад и вперед по коридору палубы. Все жилые коридоры на редкость однообразны – белого с блекло-зеленым цвета, ребра переборок, плоские лампы, лючки мусоросборников, лючки техобслуживания, голограммы указателей, одинаковые двери кают. Одним словом, функциональность. Крошечные жилые боксы, которые даже не именовались каютами. Рабочие комбезы, что занасивались до дыр, дыры заклеивались, и так без конца, пока е подходил срок замены в новом году. Ограничивалось всё – стирка, душ, даже умывание. Так, во всяком случае, было в детстве Джи. А потом вдруг появились женщины в нарядных платьях, мужчины – в свитерах и джинсах. Кошмар сообщил, помнится, что вся эта одежда печатается на три-дэшках и стоит уйму донатов. Вечерами в холле звучала музыка – там танцевали. Джи с Кошмаром и Пирсом тайком пробирались в холл поглядеть на танцы. Кошмар как-то сумел раздобыть капсулы с музычкой, и они слушали ее на переменке, пока сзади не подобрался препод и не отнял, а Кошмара и Пирса отправил в карцер на сутки, «как заводил».

Узость пространства подразумевала несвободу. На все надо было просить разрешение: в школе – у преподав, в повседневной жизни – у помощника префекта на каждый чих – на выставку детских рисунков, на студию для занятий скрапбукингом или на открытие секции бокса в помещении склада.

«А почему мы не расширяем каюты за счет пустующих?» – спросил как-то Кошмар.

«Недопустимый расход энергии», – ответил препод, ведущий у них «Эргономику корабля».

«Ерунда: там точно такая же температура, как в жилых боксах, и воздух такой же. Наоборот, можно получить дополнительный кислород и продукты, если соединить три бокса в один жилой, и в одном сделать оранжерейную камеру».

Вместо ответа препод вlepил дерзкому подзатыльник.

«Руку надо поднимать, если просишь слова».

«Дурак».

Новый подзатыльник заставил Кошмара ткнуться носом в парту так, что пошла кровь.

«Теперь понял?»

«Я – да. А вы – нет», – не уступил Кошмар, размазывая ладонями кровь по лицу.

Эргономик ухватил его за шиворот, дотащил до двери и выбросил в коридор.

Джи помнила, как смазливая Ташка однажды утром явилась в школу в ярко-розовом платье. Ребяшня, одетая в серо-оранжевые детские комбезы, окружила нарядную одноклассницу плотным кольцом.

– А ну сними! – Эльга, маленькая, яростная, уверенная в великой миссии корабля восьмилетка, дернула за рукав Ташкино платье.

– Не трогай! Это мама сшила! – закричала Ташка, прижимая в ужасе подол платья к тощим ногам. – Это настоящая земная ткань. Шелк!

– Снимай! – топнула ногой Эльга.

Девчонки стали хватать все разом Ташку за платье, пока не разорвали обновку от горла до самого подола, и Ташка, оставшись только в серых застиранных трусиках и стоптанных, с чужих ног туфлях, подобрав розовые лоскутья, умчалась, ревя в голос. Мальчишки ржали и стримели в Сеть ее бегство со своих планшеток.

Потом Ташка вернулась, уже вместе с матерью, обряженная в стандартный комбез, с красным, распухшим от слез лицом, и ее мать, тоже сделавшись красной, кричала на училку:

– Вы все тут посходили с ума. Я сшила это платье из артефактного запаса. Это земная ткань, придурки! Ей цена сто донатов! Вы ответите!

– Правила есть правила, они равны для всех! – твердила в ответ училка, как автомат.

А через год девчонки уже не надевали в школу комбезы, щеголяя в трико, брюках, платьях и блузах, да и мальчишки в основном тоже предпочитали купленные на донаты шмотки. И хотя боксы оставались по-прежнему крошечными, а вода лимитировалась, жизнь менялась день ото дня. Кто-то сносил переборки и объединял два бокса в один, кто-то устанавливал в новых расширенных каютах настоящие ванны. Рассказывали, что на высших палубах жизнь давным-давно не та, что в промке.

Теперь в рекреационном холле каждое корабельное утро проектировали на потолок картину земного рассвета – с пробуждением неба и опаловыми кромками причудливых облаков, а вечером – закатное буйство лилового, золотого и алого на бледно-голубом. Ну, а ночью, разумеется, сверкали звезды. Одни считали это излишеством, бессмысленной тратой энергии, другим нравилось, закатные красоты всегда привлекали два десятка зевак. Но для большинства эйчников день от ночи по-прежнему отличался тем, что ночь они проводили в домашнем боксе, а день – в учебном или рабочем.

«Никому и никогда не удастся завершить все свои дела на корабле. Все бросают дело на середине».

Надписи Джи фоткала на планшет, прежде чем буквы успевали замазать роботы-маляры. В выходные она пускалась в путешествия по боковухам, отыскивая новые послания, намалеванные поверх старых. У нее скопилась солидная коллекция граффити.

Кошмар рассказывал, что ему на планшет постоянно приходят посланки. Откуда – неведомо. Но утром, всякий раз вызывая голоэкрэн, он находил одну или две фразы. Иногда они повторялись изо дня в день, иногда, мелькнув однажды, больше не возникали. Но что странно, точно такие же фразы появлялись в коридорах снова и снова, будто проступали из-под слоя краски всякий раз после того, как робот-маляр замазывал граффити.

Кошмар по секрету сообщил Джи, что многие надписи малюют сами роботы.

– Зачем? – удивилась Джи.

– Значит, прога у них такая, – предположил Кошмар. – Кто-то им подправил мозги.

В детстве Джи казалось, что с высших палуб, из прекрасного далека, должны спускаться умные дяди и тети в красивых белых мундирах с золотыми нашивками, проверять оценки, расспрашивать детей об их мечтах и забирать трудолюбивых и умных к себе наверх. Она верила, что очень скоро ее вместе с Кошмаром как самых-самых отправят в высший лицей. Но нарядные дяди и тети сверху в их учебный блок так и не заглянули. А когда Кошмар заставил в учебных мастерских исчезнуть модельку корабля, а на стене при этом осталась обожженная дыра по форме напоминающая паука, ему запретили там появляться, да еще выпороли.

А потом Кошмар исчез, как и его кораблик, остались такие как минималист Эдгар по прозвищу Эрг. Джи напрасно ждала возвращения Кошмара. Месяц, два, три. А потом написала заявку на учебу в техническом лицее палубы *D*. Три часа отсидела в очереди в приемную префекта. Отсидела – термин неточный, правильнее сказать: отстояла у двери, потому что кресел поблизости не имелось, а уйти было нельзя: в очередь из двадцати человек все время пытались влезть новые просители. И вот спустя три часа Джи вошла в заветную дверь. Только оказалось, что приемная состоит из двух комнат, а первую занимает помощница префекта. Дверь к самому префекту была демонстративно закрыта. Джи только-только шагнула к этой второй двери, как раздался грозный окрик:

– Префект не принимает! – Плосколицая тетка из вторичников стерегла своего начальника не хуже цербера.

– Но только префект...

– Сначала бумагу мне на стол! – Тетка поднялась из-за стола и с поразительной ловкостью, как будто тело ее было по-змеиному длинным и гибким, выхватила из рук Джи прошение на листке рыхлой серой бумаги.

– Наверх учиться никого не берут, – заявила церберша, что-то написала на прошении и сунула в мятую распухшую папку.

– Это почему? – возмутилась Джи. – У меня лучшие оценки по математике и физике, свои проекты.

– Такие правила, – отрезала помощница префекта. – Учись на ремонтника, место у нас есть.

– Но я могу...

– Не можешь! Следующий! – нажала тетка кнопку вызова.

И сколько раз с тех пор ни бывала в этой приемной Джи, о чем бы ни просила, все повторялось в мельчайших деталях – префект никого не принимал, а заявка, прошение, обращение – как ни назови – тонуло в архиве церберши.

Джи обедала позже, нежели Эдгар, но он намеренно сместил свое расписание, чтобы повстречаться с девушкой в столовке. Многие регламенты давно не соблюдались так строго, как прежде, в том числе и перерывы на обед. В худшем случае выпишут штраф. Еще один вдобавок к сотне, что накопились у Эрга. Кто-то пошутил: запоминается первый штраф как первый секс, остальное рутина. Эдгар следовал инструкциям как мог, но выполнить все никак не получалось. С тех пор как все заработанные донаты стали уходить на оплату мелких штрафов, Эрг перестал гоняться за приработком и жил так, будто мог претендовать только на гарантийку. Поразительно, но Джи умудрялась получать донаты и избегать штрафов – а уж она никогда не была пай-девочкой. Но тайной, как ей удастся такой полет, она делиться ни с кем не собиралась.

Едва Джи вошла в столовку, как Эдгар встал на раздачу следом.

– У меня разговор. Сядем вместе, – предложил он.

– На пати в сектор три не пойду, – отрезала она. – Там все время блевантин и прочие прелести.

– Это деловой разговор.

– Деловой насколько?

– На сто процентов.

На раздаче выбор был невелик: клейкая похлебка серого цвета и клейкая похлебка с оттенками розового. Наверняка одинаковые на вкус. На второе – брикетик чего-то желтого с вкраплениями зеленого (обозначено было как натуральные овощи из оранжереи) и стакан ярко-розовой жидкости на третье.

Пищевлок (камбузом именовали только место приготовления жрачки) был одним из самых больших помещений палубы. Узкие столы на восемь человек каждый и стулья вокруг можно было опустить и упрятать в пол, и тогда столовка превращалась в большой холл. Стены, потолок и пол пылали ядовито-зеленым цветом. Говорят, в дни первого поколения на стены столовой проецировали голограммы весеннего сада, и ветви цветущих яблонь качались над столиками обедающих, по небу бежали легкие облачка, а под ногами шелковистым ковром лежала неувядаемая мурава. Потом голограммы сочли ненужными, остались голые стены, как любил выражаться Тэп, цвета бильярдного сукна. Бильярдный стол имелся только в комнате

отдыха префекта, и Джи видела его однажды – когда после стычки с грабителями народ взялся за главу палубы.

– Ты сегодня отлично выглядишь, – сказал Эдгар.

– Так что у тебя за дела? – спросила Джи и зачем-то понюхала мисочку с розоватым содержимым, чего делать категорически не следовало.

– Три месяца назад мы нашли удобную пустующую каюту в боковухе, – Эрг на всякий случай понизил голос. – Вчера пришла одобряшка от префекта на наш запрос.

– Одобряшка от префекта? Ну надо же! А я ни разу такое чудо не получала.

– Точно, настоящая, со штампом. Мы хотим там сделать клуб-кафе. Зовем тебя.

– Кто это мы?

– Я и Тэп, Тибериус то есть.

– А, философ, как его, Эпиктет. Я-то вам зачем? Философствовать не тянет.

– Починить вентиляцию. Мы там клуб-кафе хотим запустить.

– А ты-то сам что готов сделать?

– Я? Ну... Объявы об открытии клуба нашлепаю. И потом надо все там обустроить. Внутри какие-то коробочки. Я даже не знаю, с чем, но тяжеленькие.

– И где эта каюта?

– Так ты согласна?

– Может быть.

Назвать номер коридора Эрг не успел – к их столику подошла Мирая.

– Бата не видели? Он пропал.

– Что значит пропал? – Джи задумчиво помешала ложкой жидкость, потом решительно посолила и поперчила содержимое мисочки. Перец ускоренного созревания научились выращивать уже давно, хотя неведомо, насколько оранжерейный перец походил на своего земного собрата.

– Ну, вот так, взял и пропал. В жилом боксе нет, в рабочем – тоже.

– Может, он по делам палубой ниже? Он же вроде иногда курьерит?

– Тогда бы идентификатор работал, показывал, что выписан пропуск. А он просто не отвечает. Молчит, как космос. Так ведь не бывает?

– Не бывает, – согласилась Джи.

– Может, он ушел в колодцы? – предположила Мирая.

– Может быть, – поддакнул Эрг, ему хотелось, чтобы Мирая ушла. Его раздражал ее потерянный вид. Чье-то исчезновение казалось опасным, как эпидемия, будто и тебя пометили, чтобы ты исчез. Он вспомнил пустоту за кварцевым стеклом и невольно вздрогнул.

– Колодцы найти не так-то просто. И потом, в них никто не живет, – заявила Джи.

– Может, идентификатор сломался? – сделал еще одно маловероятное предположение Эрг. – А может, Бат в самом деле отыскал колодцы и двинул скакать с палубы на палубу, как Кошмар.

– Какой кошмар? – не поняла Мирая.

– Кошмар! Рэмеembe! – изумилась Джи.

Мирая покачала головой.

– Sic transit gloria mundi, сказал бы Эпиктет. Бедный Кошмар, он уже позабыт.

– Если что-то узнаете, спикните? – Мирая глянула на Эрга просительно, игнорируя ядовитые замечания Джи.

Она отошла от их столика.

– Бат пропал, – сказала она работягам-вторичникам за соседним.

– А мне до звезд, – хмыкнул один. Второй хохотнул, найдя шутку удачной.

Мирая кивнула, как будто соглашалась, обернулась к Эдгару, глянула жалостливо.

– Сообщим, – пообещал Эрг громко и, понизив голос, спросил у Джи: – В самом деле, куда он мог деться?

– А я знаю? Люди все время уходят. Может, есть тайные проходы в параллельное измерение?

– Или наблюдатели пожаловали, – предположил Эрг.

– Не, наблюдатели так не тихарятся. – Джи хорошо помнила предыдущие набеги. – Они топают бандой и хапают все, что глянется.

– Передают, наблюдателей больше нет. С тех пор, как их последний отряд умер от голода на переходной лестнице, – шепнул Эрг.

– Да, болтают, – подтвердила Джи, хотя не очень в это верила.

Уже семь лет сверху никто не являлся. Ни инспекций, ни грабежей.

А до этого наблюдатели приходили раз в три месяца, а то и чаще. Три месяца – срок вызревания овощей в оранжереях. Наблюдатели спускались сверху с палубы *E* за данью – семь или восемь дюжих парней из второго поколения, в черных свитерах и брюках из искусственной кожи, обвешанные оружием, с пустыми контейнерами для оброка. Брали все, что приглянется: вещи, продукты, одежду, прежде всего свежие овощи. И непременно пару женщин – поначалу самых младших из второго поколения. Через три месяца наблюдатели возвращались, а женщины – нет. Ходили слухи, что бандиты продают их в трюм, куда верхние палубы ссылали своих преступников. Чем платили каторжане, неведомо.

Префект палубы *H*, когда-то наигранно бравый, а ныне трусоватый и умеющий ловко прятаться за чужими спинами вторичник, сам указывал схроны палубников, лично приводил молодых женщин налетчикам. «Надо уступить, иначе хуже будет», – повторял он одну и ту же фразу, уговаривая остальных подчиняться. Во время наблюдательского рейда как по команде исчезали все безопасники палубы. Говорят, отсиживались в трехкомнатной каюте префекта, все двенадцать человек во главе с лейтенантом. Но как только бандиты уходили, выползали на свет, в новенькой, отливающей синевой броне, в шлемах с затененными забралами, следили, чтобы народ не возмущался и не бунтовал после рейда. «Где ж они, мордатые, ховались, когда нас грабили!» – возмущались одни. «А что они могли сделать? Их бы убили!» – оправдывали другие. «У них же шокеры и “свинец”!» – напоминали самые дерзкие. «Бандитов больше! Наши погибли бы напрасно! – объяснял ситуацию префект. – И патронов к пистолетам по счету».

Полтора года палуба терпела набеги, а потом, едва пожаловали недобрые гости, решили оставшихся молодых женщин спрятать. Разъяренные бандиты схватили двух девчонок пятнадцати лет из третичников и попытались увести с собой. И вот тогда дорогу им заступил Кошмар. Никто так и не узнал, где он раздобыл «свинец», то есть самый настоящий пистолет с мягкими свинцовыми пулями. Возможно, стащил у пьяного в хлам бандита во время предыдущего рейда. Теперь Кошмар без колебаний просто поднял пистолет и выстрелил идущему впереди главарю в живот, пуля ударила в бронник и опрокинула, хотя и не убила.

Главарь, падая, выпустил руку девчонки, та кинулась бежать. Выстрел прозвучал сигналом к атаке, мужчины ринулись на бандитов с ножами и обрезками арматуры, с подходящим инструментом из мастерских, кому-то из «гостей» досталось по голове, кому-то – по рукам, плечам, спине. Бандиты отстреливались, из палубников кого-то ранили, кого-то убили, но народ озверел, напирал, стрельбу не замечали, задние не давали отступать, бежать было некуда, оставалось одно – биться. Кошмар выстрелил еще раз, почти наугад, и этот выстрел послужил вторым сигналом: бандиты, избитые и окровавленные, отступили к лифту и убрались восвояси.

Перед рейдом наблюдателей всегда отключались камеры слежения, и никто с других палуб и даже на Мостике не мог видеть, что творилось внизу. После бегства грабителей

несколько минут палубники стояли в неподвижности, не зная, что делать, тупо глядя на три распростертых трупа налетчиков. Один из троицы – тот, в кого первым выстрелил Кошмар.

– Чего вы ждете? – крикнул Гор. – Тела надо бросить в Утку.

Его трясло, он размахивал пистолетом, как жезлом, и никто не знал, есть ли в магазине патроны. Как ни странно, все подчинилось мальчишке. Может быть потому, что приказ был дельный. Из оранжереи принесли электропилу, трупы разделали и отправили в утилизатор, трофейное оружие спрятали в разных схронах. Долго колотили в дверь каюты префекта, и только угроза выжечь гнездо заставила открыть замок. Префекту разбили нос, безопасников (те и не думали сопротивляться) разоружили и выволокли в коридор, где с наслаждением зверски избили. Префект быстро сообразил что к чему, объявил, что все горе-защитники разжалованы во главе с лейтенантом, а Мостик пришлет им на смену новых, в этот раз смелых и честных. Префекту поверили, безопасников заперли в пустующем складе и выбрали временного лейтенанта. На шлюзовые двери накинули цепи – теперь их можно было открыть только с палубы. Лифты заблокировали. Так что обмен продукцией между палубами сделался, мягко говоря, затруднительным. Впрочем, как стало известно, запоры поставили не только на палубе *H*. Почти все страты спешили закрыться от соседей. Теперь лейтенанты с каждой палубы долго переговаривались друг с другом, прежде чем запустить лифты и обменяться продукцией или запасами.

Корабль оказался разрезан на несколько страт, и это грозило голодом и всеобщим хаосом. Через месяц пришло сообщение от командера Хорста, отвечающего за службы безопасности корабля. Командер подтвердил назначение нового лейтенанта и новый состав подразделения безопасности, а также заверил, что все банды ликвидированы и порядок водворен. Никаких грабежей отныне, на высших палубах и в промке всеобщее торжество закона. Но в замкнутой атмосфере корабля отношения людей мутировали так же быстро, как болезнетворные вирусы. Новые гости пожаловали через полгода. Якобы пожарные инспекторы. После долгих препирательств их пустили, потребовав, чтобы те явились без оружия. Четыре человека в комбезах межпалубной пожарной службы долго бродили повсюду, написали рекламации и удалились, забрав с собой небольшую корзинку с овощами из оранжереи в качестве презента. Через три месяца инспекторы пожаловали вновь. В этот раз корзину получил каждый. Спустя год поборы приняли регулярный характер, такса установилась более или менее постоянная. Кто-то пробовал протестовать, но крикунов урезонили свои же: против прежнего новый робкий рэкет казался почти благом. К тому времени Кошмар уже исчез. А потом инспекторы тоже сгинули, и семь лет никто не являлся – кроме обменщиков, что сначала приходили со списком товаров на обмен, долго торговались с новым префектом, которого выбрали на смену прежнему. Новый был в меру способный, а главное, в меру ленивый, то есть «забывавший» следить за каждым шагом палубников. Впрочем, на прием к нему было попасть так же трудно, как и к предыдущему, поскольку священную дверь оберегала все та же плосколицая тетка.

– Ах да, все забываю тебя спросить! – воскликнул внезапно Эрг. – Память дырявая, мозг валяется в депрессухе. Разъясни: почему, когда рванули зонды, одновременно полыхнуло у нас в коридоре? Два взрыва сразу – разве это не странно, нет?

– Одновременно? – Джи уставилась на товарища детских игр с изумлением и даже отставила пузырек с мыльно-розовым напитком. – У тебя сбой программы. Сначала накрылись зонды, а уж потом через три дня у нас прижгло.

– Но я помню, что...

– Почти друг за другом, но даже не в один день, – оборвала его Джи. – Память подводит, бывает. И защитные зонды на самом деле никакие не зонды – это корабли-автоматы сопровождения, синхронизированные по скорости с ковчегом. Их задача была тралить пространство впереди. Поскольку сканировать, а потом убирать всякую бяку с пути невозможно при высоких ско-

ростях, они работали в непрерывном режиме. А потом их разорвало в клочки, осталось только облако газа. А взрыв у нас в промкластере – это совсем из другого запуска. В Сети проверь.

– Ты уверена? – сморщился Эрг.

– Как в постоянной Планка.

Вечером Эрг решил последовать совету Джи отыскать данные по аварии зондов в корабельном архиве. Но едва он включил поиск, как экран полыхнул красным и вывалилось черно-белое, скалящееся восклицательными знаками предупреждение: «Запрос недопустимой информации! Вынесено предупреждение! В случае повторного поиска будет вынесено строгое предупреждение!»

Эрга так перегрузило, что он спешно свернул экран, содрал с рукава планшет и отшвырнул в угол, как мерзкого паука. Пауков, кстати, на корабле было немерено, многие размером с ладонь.

Ну и ну! Вот же подстава!

Эрг не собирался искать что-то запретное. Просто любопытствовал, и все. Но экрану такое не объяснишь! Ну что за дела! Эрг чуть не плакал от обиды – ему только строгача не хватало. Он же не Кошмар какой-то, чтобы нарываться. Он власти чтит. Неужели Джи подставила его, типа так подшутила? Или блокировка появилась недавно? Проверять версии желания не было. Лучше не задавать вопросов.

Эрг довольно долго сопел от обиды и все решал, стоит просигнализировать насчет Джи безопасникам или оставить так? Решил оставить – все же Джи могла не знать о запрете.

«Мы – отдельно, они – отдельно», – намалевал некто на лифтовых дверях, и надпись почему-то не покрасили.

Глава 4

Год 77-й полета. 14 сентября по условному календарю корабля. Палуба С

Ната была самым любопытным существом на свете. И к тому же самым безрассудным, во всяком случае на палубе С. Дочь префекта, ни в чем не знавшая отказа, уверенная, что отец ее защитит, лет в десять она уже возглавляла ватагу из третьего поколения. Что ни день – захватывающие приключения, и всякий раз новый путь выбирала Натали. Подхалимы предрекали, что она станет в будущем главой палубы, отец поощрял ее выходы и заявки на лидерство. Что бы ни затевала Натали, Гай и Клим ее сопровождали.

Худенький субтильный Гай, типичный интель, будто из синт-гейма, его грядущий путь был уже отчетливо различим, когда остальные малявки-одногодки еще только учились писать. Случалось, склоняясь над игрушками, он бормотал что-то непонятное, а на вопрос, что же он шепчет, отвечал мечтательно: «Разговариваю с роботом на его языке». В семь он бредил программированием и, погружаясь в мир мертвых языков, древнегреческий и латынь кибернетики, с ностальгией мечтал о времени, когда для общения с компами нужно было писать программы, а не вживлять нейрошунт в голову. Словосочетание «двоичный код» вызывало у Гая радостный смех. Это было так же заманчиво, как бумажные книги, как старинные, не похожие на нынешние, блоки компов, которые, будто рыцарские доспехи, именовались «железом». Его роль в прайде определилась практически сразу.

А вот Клим, спешащий опекать Натали и одновременно руководить ею и Гаем, вызывал нарекания, споры и ссоры. На лидера он явно не тянул, не хватало запала и эвристического мышления, а для основы мальчишка слишком много брал на себя. Прайд мыслился как путь организации мини-групп внутри палубы, и подавался психологами как средство против стратификации экипажа. Психолог Лил уже несколько лет делила детей в самом нежном возрасте на крошечные замкнутые группы. По ее замыслу, детская дружба должна была спать маленький прайд не хуже олова и при правильном подборе он сохранится на всю жизнь. Как предельное слияние Лил предлагала создавать тестуды, но префект пока не выдал ни одного разрешения на подобный опыт. Практиковались стаи только на высших палубах, в основном у сишников, а в промке поощряли разобщенность.

Стандартный прайд состоял из четырех подростков: лидер, интель, стратег и основа. В стае Натали космилась пока что трое.

Палуба С считалась наиважнейшей – здесь располагались лаборатории по анализу микробиологии корабля. В замкнутом пространстве ковчега мутации грозили появлением новых смертельных болезней, без мониторинга воздуха и воды не обходился ни один день. При малейшем подозрении ученые тут же начинали генерить вакцину – так была остановлена эпидемия К-лихорадки – названная по номеру самой нижней промпалубы, где она возникла и откуда полыхнула сразу на четыре страты. Здесь же, на уровне С, располагались оранжереи, призванные не только снабжать продуктами, но и для выведения новых видов овощей, зерновых, грибов и дрожжей – более эффективных в условиях искусственной гравитации и искусственного полива. В промышленном блоке создавались новые синты, способные послужить материалом для замены изношенных деталей.

Две научные палубы – С и D – составляли ядро прикладной науки, в то время как палубу В отдали на откуп фундаментальщикам, но оттуда давно уже не поступало новостей.

Экипаж дэшников с первого дня полета заточен был под технические задачи. Время от времени технари поднимались наверх для обсуждения совместных научных проблем. В такие дни офицеры надевали черные мундиры с золотыми нашивками и с такими высокими воротниками, что они подпирали головы на манер шейных корсетов. В большом конференц-зале

из пола поднимались адаптивные стулья, в воздухе парили голограммные схемы и модели, и начинался обмен мнениями на птичьем языке науки. Маленькая Натали непременно сидела на первом ряду рядом с отцом, впитывая непонятные термины: защитные зонды, предельная безопасная скорость, сфера Хилла, защитное кольцо, новые синты. Особенно ей запомнилась пронизанная эйфорией конференция, после того как удалось доставить на корабль с помощью шаттлов метеорит, почти весь состоящий из льда. Вода на корабле проходила замкнутые циклы, об этом знали все, даже только что народившаяся малышня, и несколько тысяч тонн льда сверх лимита давали возможность создания новых оранжерей и получения водородного топлива для шаттлов. Все говорили, что это уникальная работа, вторая за все время полета (во время первого рейда удалось собрать в специальную ловушку темную материю).

После конференции несколько офицеров с палубы *D* пожаловали в апартаменты отца – просторная гостиная, мало походившая на крошечные стандартные боксы, на этот вечер превратилась в аудиторию для яростных споров. Сбросив кители и оставшись в белых, пропитавшихся потом рубашках и черных измятых к вечеру брюках, мужчины и женщины спорили до хрипоты о судьбе корабля.

– Нет, вы послушайте! Флагман вот-вот достигнет орбиты Геи-2! Флагман! Будет! На орбите! – пыталась перекричать гул голосов женщина лет сорока пяти из лаборатории зондов с палубы *D*. Натали запомнила, что ее зовут Тили. – А мы все еще будем барахтаться в космосе и даже наши внуки, да что там внуки – правнуки не ступят на твердую почву планеты.

– Здесь расчеты, все проверено! – размахивал планшетом мужчина с забавно выющимися каштановыми волосами, высоким лбом и какими-то сумасшедшими голубыми глазами. – Нам хватит материалов, чтобы построить новые противометеоритные зонды.

- Нам нужен материал...
- Если бы мы не упустили металлические метеориты...
- Пожертвуем двумя шаттлами...
- Поставим защиту на самом корабле...
- Не нужно было тормозить...
- Правильное решение...

Яростная энергия спора внезапно захватила восьмилетнюю Натали, она сбросила туфельки, вскочила с ногами в кресло и, подпрыгивая, стала кричать:

- Новые зонды! Хочу новые зонды!
- Устами младенца глаголет истина, – засмеялась Тили и протянула Натали узкую ладонь. – Теперь мы с тобой союзники, Ната! Так?
- Да, Да! Сделаем зонд вместе!

Положение Натали на палубе было исключительное. Любые выходки ей сходили с рук. Хотя отец сердился всякий раз и предупреждал, что отнимет у дерзкой дочери опасные игрушки вроде парализатора, электронного пса или ключа, дающего доступ к любым помещениям палубы, эти угрозы оставались пустышками и никогда не выполнялись. Напротив, она сумела выклянчить обещание, что на шестнадцатилетие получит универсальный ключ от межпалубных лифтов и сможет в любое время спускаться к дэшникам (дорогу выше открывал только личный ключ префекта). Однако попытки получить доступ на палубу *E*, последнюю из высших палуб, встречали всякий раз упорное сопротивление. После ликвидации банды Марко эта палуба сделалась опорным центром администраторов, рассылавших вверх и вниз малопонятные циркуляры, а вышних она привлекала тем, что ешники оборудовали массу игровых площадок на месте ликвидированного научного кластера: здесь можно было поиграть в пейнтбол, поглядеть на бои без правил и даже в них поучаствовать. К тому же ешники

устроивали почти что настоящие гладиаторские бои, только мечи выдавались алюминиевые и тупые, однако травмы и даже смертоубийства случались чуть ли не каждую неделю. Здесь всем заправляли букмекеры, ставки делались всекорабельные, даже на смерть участников. Алекс, старший брат Натали, однажды участвовал в поединке на арене, после чего неделю провалялся в медицинском блоке, а с его счета списали тысячу донатов за проигрыш. Не то что Натали влекли подобные развлечения, или она готова была рискнуть жизнью в поединке. Скорее, увидеть запретное мечталось из чистого любопытства. К тому же Натали планировала спуститься еще ниже, в гадостную промку, потому что толком о нижних палубах ей никто рассказать не мог, а ее ненасытное любопытство требовало ответов на все вопросы.

Впрочем, в самом раннем детстве Ната была ребенком смирным, улыбчивым и как бы чуточку не от мира сего. Старшая сестра Ирен в шутку называла ее Ната Тишайшая. Сидела Тишайшая в уголке молча-молча с книжкой-картинкой и никому не мешала. Отец, недавно лишившийся второй жены, чье тело поглотил уравнивающий всех утилизатор, брал Нату с собой всюду, как будто боялся, что и она исчезнет в измазанном красным металлическом рас- трубе, как ее молодая мать. Ната просто сидела, играла с книжкой или с куклой-роботом, либо рисовала. Маленький теплый живой якорь в столь уязвимой жизни.

В школьном блоке она занималась без труда, но и без азарта, будто не училась, а под- сматривала за учебой.

«Что ты будешь делать, когда мы долетим до Новой Земли?» – спрашивала ее подруга Белла.

«Я буду сажать березы. У отца в кабинете есть березка. Вот такая. С меня ростом. А на самом деле березы высокие-высокие».

«Березы – сорные деревья. Они не дают апельсинов», – сообщила практичная Белла.

«Зато красивые».

И желая доказать, что березы – деревья волшебные, выпросила у Ирмы семечко березы и посадила в горшок.

То дерево давно уже уперлось в потолок у Натали в каюте, раскинуло ветки над столом и диваном, а макушку ему приходилось подрезать каждую условную осень.

Психологи отказались, причем категорически, вписывать Беллу в прайд Натали, так что их дороги разошлись еще до лица, с тех пор бывшие подруги встречались только в коридорах время от времени.

Однажды вечером Натали явилась в кабинет отца, уселась напротив него в обитое черной искусственной кожей кресло и сказала:

– Папа, я все поняла.

– Что – «все»?

– Мы всю жизнь проведем на этом корабле и здесь умрем. И ты, и я, и Алекс, и Ирен. Ирен самая красивая, но и она умрет.

– Ну, не надо так пессимистично, – префект Слорр (с некоторых пор психолог Лил внед- ряла титул «барон», и Слорру это нравилось) попытался улыбнуться. – Может быть, наши уче- ные смогут...

– Ничего они не могут!

– Ты несправедлива! Помнишь твою подругу Тили? Она работает над созданием зондов. Тогда мы сможем ускорить корабль, достичь скорости в 0,9 световой и добраться до Геи еще при моей жизни.

– Враки все это. Прошло целых пять лет с той самой конференции, когда мы захватили ледяной метеорит. И мне надоело ждать.

И буквально за день из Наты Тишайшей она превратилась в корабельного демона. И верные оруженосцы у демона тут же нашлись – интель Гай по прозвищу Одноглазый и Клим – немногословный и преданный своей демонице служитель.

Чего они только не вытворяли! Во-первых, выбрались на балкон, умудрившись приспособить свои детские тела к взрослым скафандрам из ближайшей аварийной укладки, а затем предъявили всей палубе панорамные снимки, где сверкали звезды, но корабли конвоя не наблюдались – их ковчег плыл в пространстве в гордом одиночестве. Во-вторых, Гай смог получить доступ к зашифрованным файлам, из которых следовало, что разогнать корабль до 0,9 световой не получится, как ни крути гравиплатформу – на это просто нет необходимого топлива, да и двигатели на такие нагрузки не рассчитаны. Даже если удастся восстановить защитные зонды взамен погибших, скорость можно поднять только в два раза, а это значит – ни третье поколение, ни четвертое обещанной Геи-2 не увидят. Потом какие-то неизвестные – сумрачные парни с закрытыми черными колпаками лицами – напали на Гая и избili так, что он попал в больничный бокс. О нападении говорили долго, и даже сам командер Хорст материализовался из таинственного центра безопасности Корабля на Мостике, чтобы руководить расследованием этого странного дела, но так и не нашел преступников. Хотя Натали подозревала, что на самом деле нашел и отправил без огласки в утилизатор.

Потом Натали выпросила у отца разовый межпалубный пропуск, и все трое отправились к дэшнякам в гости, где были встречены радушно, Тили устроила для них импровизированную вечеринку с лимонадом, пирожными и мультями и даже попыталась переманить к себе Гая, но тот отказался, заявив, что никуда не пойдет без Наты, а Ната хочет вернуться назад, на свою палубу.

Но больше всего влекли ребятню помещения утилизатора. Что интересного в мусоре? – думают многие. Но мусор мусору рознь. В прессовании и плавлении синт-пластика ничего захватывающего нет. Манил, конечно же, всех сектор 2-У, где утилизировали трупы умерших сразу с пяти палуб. После того как труп поступал в морг, на табло утилизатора загоралась табличка «Идет подготовка», а к Натали на планшет приходила послашка. Тогда Натали хватала универсальный ключ, включала оповещалку для друзей, и они мчались в наблюдательную камеру – глядеть на утилизацию умершего через огромное стекло. На прощальной церемонии в траурном зале тело представляли с черном или белом кителе в гробу с обивкой, имелись и прочие украшалки для горюющих. Но здесь, за стеклом, можно было видеть, что происходит с телом дальше. В предбаннике сектора 2-У труп из гроба вытаскивали без всякого почтения, саму гробину отправляли на процедуру чистки, а умершего раздевали догола, китель и покрывало засовывали в чистку, а труп, расчленив на части, отправляли в огромный металлический раструб – разлагать плоть на удобрение, а кости сжигать и толочь в костную муку. Смерть пугала, манила, зачаровывала. Тело, лишенное жизни и не способное двигаться, было неправильным, противоестественным, а его уничтожение – ужасающе безвозвратным. И в то же время мистика потустороннего заставляла сжиматься сердце и холодной рукой перехватывала горло. Каждый, наблюдая за происходящим и перебарывая подступающую к горлу тошноту, в глубине души сознавал, что с их телами поступят точно так же. Возможно, они полагают, что, наблюдая за уничтожением плоти, заглядывают в дверной глазок ада.

Нате было пятнадцать, когда жизнь ее переменилась во второй раз.

В тот день, после того как загорелось табло утилизатора, сигнализируя о подготовке блока, ватага собралась на редкость большая, места едва хватало у смотрового стекла. В этот раз доставили не нарядный гроб, а какой-то грязный черный цилиндр, и когда он открылся, лежащий внутри дернулся и попытался сесть. Случилось то, чего все подсознательно ждали и жаждали во время прежних рейдов в утилизатор – покойник ожил. Ребяшня завизжала – их крик, едва слышный за толстым стеклом, заглушен был воплями работяг. Но те быстро пришли в себя.

– Ну, надо ж, живяк, козлы не успокоили. Череп, живо тащи шприц, – приказал ут-работник.

В этот момент Натали разглядела, что в открытом цилиндре корчится связанный мальчишка лет пятнадцати или чуть старше. Рот его был заклеен серой полосой, ленты скотча стягивали тело. Дальше она действовала мгновенно, не раздумывая.

– Не смей! – заорала она и нажала кнопку открывания дверей.

Ворвалась в ут-камеру, держа двумя руками тяжелый парализатор. Она напоминала предводительницу пиратов, берущих торговую шхуну на абордаж из последнего комикса голограмм с палубы *D*.

– Только дернетесь – и всем смерть! Гай! Клим! – Она была уверена, что верные друзья высятся у нее за спиной. – Хватаем чела и стартуем!

Ее уверенность так поразила работяг, что те покорно подняли руки.

– Клим! – вновь позвала она, и только теперь различила топот – Клим с запозданием спешил на помощь. И Гай – за ним. Она не могла повернуться или проверить – взгляд ее был прикован к двум грязным бесам утилизатора, а настроить планшетку на режим круговой слежки она не догадалась.

– Это же девчонка. – Один из ут-работяг сделал шаг в ее сторону, и тут же оказался окутан синими разрядами «цербера».

Второй метнулся в сторону, пытаясь обойти Натю сбоку, но получил подсечку от Клима. Его, лежащего, Ната, издав яростный боевой клич, пригнала вторым разрядом. И только теперь обернулась, чтобы осмотреться. Рядом с нею стояли только двое, Гай и Клим, остальные стартанули на второй космической вон из наблюдательной камеры, справедливо рассудив, что предупреждения в личных делах и порка им ни к чему.

– Берем добычу и валим! – объявила Ната и схватила черный защитный колпак одного из работяг – пригодится.

Отобранным у похоронщика ножом они вспороли ленты скотча (привязан приговоренный был на славу). Парень свалился с доски мешком, тело онемело, ноги сами собой подогнулись. Попробовал встать, не смог. Тогда, подхватив пленника под руки, Гай и Клим потащили добычу в наблюдательный бокс, Натали захлопнула за ними дверь. Здесь «пираты» немного отдышались после дерзкого рейда.

– Звездно, да? – засмеялась Ната, обводя торжествующим взглядом свою стаю.

– Погоди, нам такие звезды пропишут, что из глаз полетят метеоры! – предрек Клим. – Спешно стартуем отсюда.

И они рванули.

А бесы утилизатора так и остались валяться на полу обездвиженные. Не страшно, придут в себя через полчаса, проблюются и побегут доносить на нарушителей.

«Вот тогда все и начнется», – со сладким ужасом подумала Ната.

«Судьба щедра!»

Клим и Гай тащили спасенного по коридору. Тот висел между ними мешком, едва переставляя ноги. Натали догадалась натянуть ему на башку колпак ут-работяги, чтобы камеры не идентифицировали похищенного. Сама Ната шагала впереди, вернув парализатор в кобуру, но при этом настороженно оглядываясь по сторонам.

Встречные косились с любопытством, но вопросов не задавали: ответ напрашивался сам собой – чокнутая дочурка префекта затеяла очередную потеху. Теперь детки-малолетки играют в большой утилизатор, издеваются над бедолагой, заставляют изображать приговоренного. Говорят, на прошлой неделе эта же троица засунула в раструб утилизатора робота-мойщика и поломала технику. Того и гляди, доиграются, – осуждение читалось в каждом взгляде.

– Куда его? – спросил, пыхтя, Клим.

– Ко мне в каюту, куда же еще? – Натали дерзко объявила каюту префекта своей, и никто из прайда в этом не усомнился.

– С нас спустят шкуру, – предрек Гай. – Точно, до самых костей, а потом еще и кости вынут.

– Я вас прикрою, – пообещала Натали.

– Не надо было лезть. Я чуял: громить утилизатор – глупость последняя, – бубнил Клим, изнемогая под тяжестью полуживого тела.

– А если б тебя скрутили и сунули в мясорубку, тогда что, а? – подражая ледяному голосу лейтенанта Ли, спросила Ната.

– Ну, я не такой.

– А какой ты, какой? Кто решает, каким положено быть?

Женщина в форме медсестры остановилась, глянула с подозрением.

– Что с ним? – указала на черный колпак.

– Перекайфовал. Надышался ночью из даровой форсунки. Ничего страшного, проспится. Если что, я на связи. – Натали похлопала себя по предплечью, вернее, по гибкой пластине планшетки, прилепленной к рукаву.

– Он просто на ноги слаб, – поддакнул Клим.

Женщина протянула руку, пытаясь сдернуть колпак.

– Вы же не хотите, чтобы парня высекли! – Натали перехватила ее руку. Пальцы у нее были по-мальчишески крепкие, и женщине не удалось выдернуть запястье.

– Очень даже хочу. – Женщина глянула гневно. – Вас давно уже надо призвать к порядку, а то угробите корабль.

– Порка никого не сделала лучше. – Натали отвела настойчивую лапку медсестры от черного колпака на лице пленника. – Это просто выплески садомазохистского комплекса. Вы как, в сексе употребляете садомазо? Плеточка там, намордники, кляп красненький, как у клоуна нос? Слюнки не текут? – Она отпустила руку любопытной, одновременно толкнув женщину к стене.

– Сейчас же напишу докладную префекту, – пообещала медичка, закипая гневом.

– Да хоть десять, – фыркнула Натали. – У префекта их толстенная папка.

Больше по дороге к ним никто не приставал, хотя многие фоткали на планшеты странную стаю. В итоге они благополучно добрались до каюты префекта. Места тут было с избытком, почти простор: несколько разнокалиберных блоков, один – гостевой, в котором зачастую ночевал кто-нибудь из знакомых, сейчас он как раз пустовал. Здесь, в гостевом боксе, освобожденного паренька посадили на стул. Гай подал ему картонный стакан с трубочкой, внутри был томатный сок, его любимый. Кусты томатов, по виду больше походившие на деревья, росли не только в оранжерее, но и в боковых коридорах, раскидывая плети с гроздьями мелких плодов

до самого потолка, так что томатный сок подавали в столовке самый что ни на есть настоящий. Про себя Гай называл этот сок вишневым, хотя знал, что вишни на корабле не растут.

Парень сделал глоток, сморщился:

– Что за гадость?

– Ты кто? – спросила Ната подлинно инквизиторским тоном, уперев руки в бока и постукивая носком ботинка.

– Кошмар... – пробормотал тот.

– Да я поняла, что это все кошмар. Я имя спрашиваю.

– Я и говорю – зовут Кошмар.

– Так я и думал, – кивнул Гай.

Парень нелепо хихикнул. Теперь его начало трести крупной дрожью.

– А вы кто?

– Я – Кирдык, – объявил Клим, решив, что пошутил удачно.

– Мы все – прайд, то есть стая, – уточнила Ната.

Парень кивнул, и закрыл ладонями лицо, пытаясь прийти в себя. Так он и замер, скрючившись, не двигаясь, будто робот, которому отключили прогу.

– Да он и не знает, что такое стая, – презрительно фыркнул Клим. – Он ведь не с нашей палубы.

– Он с эйчной страты, – сообщил Гай, успевший прошерстить Сеть. – Прозвище Кошмар там значит только за одним челом по имени Адриан Гор. Чувак с промки. 31 августа исполнилось шестнадцать, значит, ответка по полной. А у него четыре строгаха в деле.

– И что теперь? – спросил Клим.

– Он – мой гость, – объявила Ната.

– Ты водишься с промаками? – презрительно выпятил губы Клим.

– А ты бы смог с эйчной палубы без пропуска стартануть до высших уровней? – насмешливо спросила Ната.

Клим пожал плечами:

– Зачем мне прыгать?

Пленник наконец отнял руки от лица, обвел всех троих взглядом. Глаза у него были шальные.

Наконец он вымолвил с трудом:

– Мы попадем на Гею-2 еще при нашей жизни.

– И как именно? – насмешливо спросил Клим.

– Еще не знаю.

«Наша жизнь – один сплошной баг».

Гор вышел на фальшивую лоджию. Окружающий его голограммный пейзаж представлял проект будущего города на Гее-2. Вид на несуществующую столицу колонии. Сверкали вечерние огни Виктория-сити. Все эти проекты, вернее красочные картины, делались еще на Земле, пока в космосе из блоков собирали корабли конвоя. Труд длился десятилетиями, картинки должны были вдохновлять работавших сменами монтажников. Потом картины перекочевали на ковчеги, автоматически сделавшись частью интерьера. Первое поколение воспринимало их почти восторженно, второе – с некоторой долей скептицизма, третье полагало почти с уверенностью, что Виктория-сити существует и ждет их где-то впереди.

Город на берегу бирюзового залива напоминал огромный зиккурат. Внизу – массивное основание, изрытое черными оспинами многочисленных входов, что открывали дороги в подземные блоки, выше – рабочие сектора, ну а еще выше – офисы-башни, группы жилых корпусов, градокуртины, каждая отделенная от соседней аркадой прозрачных арок. Эти хрустальные аркады – на самом деле сервисные виадуки, по которым будут течь в город энергия и ресурсы. А в центре высилась Золотая башня, покрытая стеклянной чешуей, на восходе и закате дарящая жителям снопы золотых отраженных лучей нового Солнца, воистину ось грядущего мира.

Паренек, выросший на промышленной палубе, от одного взгляда на этот потрясающий город должен был завизжать от страха, свернуться в клубок и лежать теперь где-нибудь в самом темном уголке. Нет ничего страшнее открытого горизонта для человека из бокса. А Гор стоял на лоджии, смотрел и улыбался. А еще прикидывал, где нужно построить дом, чтобы из окна открывался подобный вид.

Кошмар сделал отчаянный шаг, поставил все на один пуск, и теперь ждал, чем завершится полет. Взрыва на пусковом столе не произошло – его авантюрный шаттл оторвался от тягостной тверди привычного, преодолел гравитацию безумных запретов. Теперь в ближайшие часы стоит ожидать максимальной гидродинамической нагрузки – безопасники постараются либо убить мятежника, либо умять и вернуть в промку во что бы то ни стало. Страты – основа социальной структуры корабля. Переход с одной палубы на другую запрещен, к этому приучают с детства, это вплавляют в мозг, вытравливая желание что-то изменить в существующем миропорядке.

Много лет назад, в ночь, когда погибли его родители, они с Надей смотрели на настоящее звездное небо с балкона палубы *H*.

Малыш Гор стоял недвижно, вцепившись в Надину руку, такую сильную в перчатке скафа.

Он слышал ее голос в переговорном устройстве, слова звучали как заклинание.

– Запомни, Гор, запомни: стены мы возводим вокруг себя сами. Или нам помогают их возвести. Нет никакой причины всю жизнь провести на промпалубе, нет причины жить в крошечных боксах-каютах и смотреть на мир только сквозь призраки голограмм. Просто кому-то выгодно, чтобы мы были такими – боязливými, ограниченными, заранее обреченными стать трудягами, не видеть для себя иных путей, кроме одного. Нами манипулируют совет палубы и префект, ими – высшие палубы и Мостик. Всеми – Командор, и так без конца. Никто не имеет права запретить тебе выбрать дорогу. Чтобы отправлять корабли в космос, нет нужды всю жизнь терпеть тесноту космического бокса. А теперь отпусти руку, будь собой.

И он разжал пальцы. Стоял, разведя руки в стороны, балансировал над бездной. Кружилась голова, и волна сладкого ужаса уносила его все дальше и дальше – в неведомые фантазии, где он, Адриан Гор, видел себя сидящим в Большом Совете Виктория-сити. Глаза слепило от золота, пурпура, ярких огней, а женщина на возвышении, похожая на Надю, говорила, вращая перед собой модель невиданного прежде корабля.

В следующий миг он обхватил Надю руками, прижался шлемом к ее скафу и зашептал в переговорник:

- Давай убежим из промки, давай убежим!
- Убежим, скоро. Но еще рано. Будет время, обещаю.
- Не оставляй меня, Надя.
- Не оставлю.

Надя все время рассказывала ему про удивительные вещи: про ученых древности, про великие открытия, про поразительного Леонардо да Винчи, который был одновременно художником и ученым, архитектором и медиком, музыкантом и устройтеlem празднеств. Анатомические рисунки и чертежи он создавал как произведения искусства. А еще он мечтал летать как птица, а не сидеть в утробе огромного ковчега.

Надя доводилась Адриану теткой по матери. Гор почти не помнил родителей – реальные воспоминания ему очень скоро заменил набор голограмм. Отец с матерью работали в ремонтном блоке палубы и сгорели заживо во время очередной мелкой аварии. Зато в память навсегда врезалось, как склоняется над ним сухое, напоминающее ящерицу существо с черном комбезе, произнося одно-единственное слово: «сирота».

Иногда ему это снилось.

«Сирота», раз за разом шепчут бесцветные губы существа из первого поколения. Гор пугается немигающих черных глаз без ресниц, тонких губ, серой истонченной кожи. Отшатывается, забивается в угол, прижимается к Наде. Слово «сирота» ему ни о чем не говорит. Он потерял то, чего у него никогда не было, у него всегда была только Надя – круглолицая, веселая, с черными, завязанными на макушке в дерзкий хвост волосами. Гору тогда было пять с половиной лет.

Они жили в боксе-каюте вдвоем. Стойка с кроватями (Надя спала на верхней, забираясь на нее ловким броском тела), Гор – на нижней. В стене у каждого имелся маленький шкафчик для личных вещей – белья, запасного планшета, который иногда именовали тушкой, нескольких коробок с какими-нибудь вкусняшками. Еще был один общий шкаф – такой большой, что в нем могла спрятаться Надя, а не только малыш Адриан. Там хранились одежда, старая три-дэшка без картриджа, коробка с лекарствами. За матовой загородкой – туалет и душевая кабинка. Это их мир, их пространство, их территория, где можно укрыться. Каюта, в которой матовый иллюминатор на двери в коридор создавал иллюзию окна. Переборки, клочок палубы, дверь. Дверь открывалась в узкий коридор – напротив такие же боксы-каюты, оттуда поутру выползали дети и взрослые. Первые – бежали в школьный блок, вторые – в рабочий. По вечерам двери в коридор держали открытыми – крошечные боксы были слишком тесны, так что коридор служил своего рода общей гостиной, здесь болтали, смотрели голограммы, обсуждали новости, кокетничали, назначали свидания, ссорились, сплетничали.

– Почему у нас нет окна? – спрашивал Гор Надю.

– Окно есть.

– В коридор! А нужно окно со звездами.

– Такие окна опасны.

– Нам нужно окно в нашем боксе, – требовательно заявлял Гор. – Окно, мне нужно окно со звездами!

– У нас будет окно. Но не здесь, – обещала Надя. – На планете, когда мы до нее долетим.

– А Пирс говорит, что никакой планеты нет.

– Кто такой Пирс, чтобы утверждать такое?

На следующую ночь после того, как пришло известие о гибели родителей, Надя разбудила Гора и сказала одной слово: «пойдем».

И он пошел за нею – сначала узкими извивами коридоров, потом через какой-то технический выход они выбрались во внешний круг – лимб палубы, окруженный складскими блоками. Здесь они облачились в скафы и загрузились в шлюз. Насосы стали откачивать воздух, и Гор, замороженный, смотрел, как движутся стрелки манометров к красной черте. Наконец в шлюзе настал вакуум, двери открылись, и они ступили на балкон.

– Тебе страшно? – спросила Надя.

– Нет.

– Обитатели промки боятся внешнего мира не потому что он страшен, а потому, что им этот страх внушили. Но если ты начнешь говорить, что готов переступить порог, что тебе не страшно, тебя начнут пугать сильнее, чтобы ты испугался, как и все прочие.

– Зачем? – спросил Гор.

– Потому что так им проще.

– Кому – «им»? Училке в школе?

– И ей тоже.

– Тогда что делать?

– Не поддаваться страху. Человек, опутанный страхами, может существовать только так, как ему прикажут. Оплетенный мнимыми страхами, он готовится к настоящему ужасу – жизни без планеты, начать и закончить жизнь без цели в полете, который не он выбирал.

Воспоминание было столь ярким, что Адриан протянул руку, чтобы коснуться Нади, и понял, что рядом с ним никого нет. Он стоял на фальшивой лоджии чужой каюты и смотрел на фальшивую столицу планеты, до которой они не могли добраться.

Как это ни печально, Надя его обманула. Однажды вечером она не пришла в их бокс из рабочего сектора, и никто ее больше не видел. Это случилось во время первого рейда наблюдателей. А Кошмар пустился в свои путешествия с палубы на палубу, уже ничем не сдерживаемый, но втайне надеясь Надю отыскать. Он так и не нашел даже ее следов. Скорее всего, она сгнула в утилизаторе. Он догадывался, что с нею случилось прежде, чем она умерла, но запрещал себе об этом думать. Теперь он знал, что люди, которые над нею измывались, а потом ее убили, давно мертвы. Но это не приносило облегчения. Одному человеку он так и не отомстил – прежнему префекту эйчной палубы, который отдал их страту на разграбление. Избитый и униженный, префект был спасен прибывшими сверху безопасниками и укрыт где-то внизу, на безличной палубе *K*, где сгинул безвозвратно. Перед Надей Гор испытывал вечное чувство вины – не защитил, не сумел. Он был ребенком, но мог призвать других, должен был призвать. Как потом, полтора года спустя, начал бунт. Все восемнадцать месяцев он еще лелеял надежду, что она жива. Потом понял, что обманывает себя – не с ее характером терпеть надругательства полтора года. Наверняка она погибла почти сразу после похищения. И он уже никогда не узнает, как и где.

Чтобы начать действовать, надо утратить страх потери.

Теперь он в доме, где в каждой комнате есть окно, правда, окно условное. Есть лоджия, с которой можно смотреть на голограмму будущей столицы в любое время дня и ночи. За одно это стоит... он оборвал мысль так внезапно, как будто опасался, что мысли можно подслушать.

За его спиной прогудел зуммер, а затем вспыхнула голограмма, изображающая высокого человека с седыми коротко стриженными волосами и странными золотыми глазами.

– Адриан Гор, прошу проследовать в мой кабинет для разговора.

– Уже иду, префект Слорр, – отозвался мальчишка.

Итак, сейчас все решится и станет ясно, сможет ли он выбраться из липкой тесноты промки, преодолеть гидродинамическое давление и сбросить первую ступень низкого (в прямом смысле) происхождения, чтобы двигаться все выше и выше, или его столкнут назад, на плаху непреодолимой гравитации.

Он глубоко вздохнул и произнес довольно громко:

– Самое страшное – старт.

После долгого и суматошного дня Слорру хотелось отдохнуть – принять ванну, поужинать, поболтать с Ирмой о том, что случилось за время его отсутствия, и если Натали еще не спит – а она наверняка не спит – и с нею перемолвиться парой слов. А потом...

Но случившееся требовало немедленных действий. Ни ванны, ни даже душа. Пока. Слорр уселся за свой огромный стол в домашнем кабинете. Стол был сработан из мореного дуба – черный, массивный, украшенный ручной резьбой – на высших палубах земляне позволяют себе подобную роскошь. Стол в космической каюте был таким же символом, как и его собрат, сработанный много лет тому назад из обломков барка «Резолют». Усевшись в кресло, Слорр долго водил ладонью по полированной столешнице и продумывал план действий. Главное: рас-

считать на несколько шагов вперед, оценить, насколько этот свалившийся ему на голову мальчишка осложнит воплощение его планов или же, наоборот, намного облегчит задуманное.

Но сначала надо поговорить с Натали, а потом уже с этим странным гостем. Опасен новичок для Натали или нет? Ирма – умная женщина, но слишком щепетильна, к тому же ее всегдашняя тактика: во всем и всегда поддакивать Слорру, подчеркивая полное отсутствие своего мнения. Она никогда не заменит девчонке-подростку мать. Тем более такой дерзкой разбойнице, как Натали. Еще пару часов назад префект связался с Ирмой и попросил устроить «гостя» удобно, но без излишеств. Ирма тут же всё исполнила, снабдив свой отчет порцией сладчайшей лести: «Дорогой Говард, я совсем ничего не знаю о людях с промышленных палуб, но ты всегда вникаешь во все тонкости вопроса и, конечно же, разберешься в ситуации».

Звякнул зуммер, посланка от лейтенанта Ли всплыла над столом двумя страницами скудного досье. Парню – шестнадцать, значит, дело намного проще, чем казалось сначала, по законам корабля он уже не ребенок, потому и угодил в Утку. Законы палубы не нарушены, безопасники имели право его казнить. Хотя такое изуверство, как отправка человека в сознании в утилизатор, вызывало невольную дрожь. А ведь судя по всему, эти мелкие бесы давно уже так развлекались. В первом поколении утилизатор не был местом казни и служил исключительно для погребения. В мире, где правит замкнутый цикл, любая протоплазма используется для переработки, тела умерших точно так же, как моча и фекалии. Убийц – и тех поначалу не казнили, а держали в специальном отсеке, назначая в качестве наказания монотонную, тяжелую и опасную работу. В первые годы полета убийства случались редко, потом люди все чаще прибегали к насилию, ненависть вскипала внезапно, начались склоки, драки и, наконец, смертоубийства по любому поводу. Первый Командор тоже был убит, но ни исполнителя, ни заказчика преступления так и не нашли. Сразу после смерти первого командира корабля была введена смертная казнь, но за год ее применили всего три раза – и только за предумышленное убийство. А потом выросло второе поколение, и семнадцатилетние юнцы с лозунгом «Мы не выбирали пустоту» ринулись штурмовать Мостик, требуя развернуть корабль и взять курс на Старую Землю. Каким бы тяжким ни было существование на покинутой родине, планета – это твердь, а не жуткая ледяная пустота, в которую людей погрузили без спроса. Полет на огромном ковчеге к далекой землеподобной планете – это был выбор первого поколения, они бежали от изменчивого климата, перманентных войн и очагов хаоса, захвативших огромные территории Старой Земли. Второе поколение не выбирало космическую пустоту и не желало всю жизнь тратить на полет без надежды добраться до цели. «Верните нас на Землю!» – этот лозунг до сих пор время от времени появляется в коридорах сишной палубы уже не как требование, а как напоминание о жестокой расправе, когда безопасники стреляли в упор в безоружных мальчишек и девчонок. Тогда, кажется, впервые утилизатор задействовали для массового убийства – десятки зачинщиков были казнены, а их рассеченные тела загружены в окровавленный раструб, переработаны и отправлены на удобрение в оранжереи. Целый год потом еду заворачивали в пакеты со зловещим черным крестом – напоминание, что картофель и тыквы выращены на плоти убитых, и Мостик заставляет неблагонадежный экипаж причащаться телами казненных.

Через несколько недель после подавления бунта Мостик ввел правило четырех нарушений. Четыре отметки в деле – и ты отправляешься в утилизатор, нет нужды никого судить, доказывать вину и прибегать к уловкам адвокатов. Поначалу столь суровой мерой наказания пользовались не часто, потом случилась настоящая эпидемия казней, после чего ввели правило обнулений: каждые пять лет на годовщину старта корабля все нарушения, кроме особо тяжких вроде предумышленного убийства, списывались, и обитатели палуб опять могли хулиганить, но в меру.

Слорр был из тех, кто с самого начала дистанцировался от палубной революции. Даже в семнадцать он был достаточно рассудителен, чтобы понять: разворот и возвращение назад не даст экипажу ровным счетом ничего. Старая Земля удобна для существования двух десят-

ков могущественных кланов, остальные в бесправности могут соперничать с муравьями, и уж, конечно же, жизнь большинства ничуть не лучше, чем на корабле. Только бегство дарует иллюзию движения вперед. Возможно, эта нерадостная картинка целиком плод фантазии первого поколения, придуманная для младших генераций, чтобы тем проще было принять безальтернативность полета. Но Слорр думал о возможности обмана без малейшего внутреннего сопротивления.

Конформизм окупился. Очень быстро Слорр пошел на повышение, в тридцать пять был избран префектом, и уже четыре раза на эту должность переизбирался. Как ни странно, но следующее, третье поколение, относилось к своей судьбе с полным безразличием. Для них Старой Земли как будто и не существовало, они не желали о ней знать. А после аварии новая планета Гея-2 превратилась в сказку для детей, в такие верят до первого класса.

Остался только полет.

– Натали, – вызвал Слорр дочь по внутренней связи. – Загляни-ка ко мне в кабинет. Как ты понимаешь, разговор у нас с тобой будет не очень-то приятный. Придется рассказать, что вы там натворили в наблюдательной и почему мне прислали донесение службы безопасности и запись из Утки. – Несмотря на строгость фраз, в интонациях его не было и намек на гнев.

Против воли Слорр улыбнулся. В самом грозном вопросе к Нате всегда звучала доля иронии – на младшую дочь он не мог сердиться с первого дня ее появления на свет. Втайне он всегда улыбался, едва ее видел, как будто самые нелепые, дерзкие, капризные выходки его красавицы доставляли ему великую радость.

Натали не заставила себя ждать, явилась на зов, едва он договорил. Знала, что встреча будет. В отличие от отца, она и ванну успела принять, и переодеться в легкое домашнее – спортивный топик и зеленые спортивные трико. Светлые волосы после мытья золотым ореолом стояли вокруг головы. Внешность у нее удивительная: почти кукольная красота – короткий точеный носик, красиво очерченные губы, широко распахнутые голубые глаза, выпуклый высокий лоб. И одновременно – дерзкий взгляд этих наивно-кукольных глаз, язвительная усмешка кукольных губ. В этом было что-то ошеломляющее и пугающее. Высокого роста, стройная, тонкая в талии. Красивая девчонка, дерзкая девчонка. Младшая, его любимица. Старшие давно уже вылетели из гнезда – Александр только что получил чин лейтенанта и вскоре отправится служить на Мостик (милость исключительная), Ирен – ведущая информсети корабля. А Натали – Натали пока загадка. И еще – он боялся за нее, как никогда не боялся за старших, в ночные часы ему часто снилось, как она погибает: то разбивается на глайдере в заповеднике на Гее-2, и ее не могут найти поисковые отряды, то стораает во время аварии шаттла, то поднимает бунт на корабле и погибает под пулями безопасников. Просыпаясь в холодном поту непременно с криком отчаяния и боли, он всякий раз бормотал с облегчением: это всего лишь сон. Только сон, сон проклятый. Но сны возвращались с пугающей регулярностью, будто кто-то пытался пробиться в его сознание и рассказать, предупредить, но о чем? Ирма говорила, что это старое суеверие. Ирма – умница, пытается успокоить, он хотел бы с нею согласиться, но не мог. Регулярность и однообразие видений указывали на некую закономерность, которую он пока не сумел разгадать, но и не мог игнорировать. Кто-то присылает ему эти сны, скорее всего, воздействуя через нейрошунт. Но кто и зачем? Что это – предупреждение или шантаж? Он хотел поговорить об это с Лил, но почему-то не решался.

– Как прошел день, папочка? – такой естественный вопрос, и в нем – любопытство – ну как же, утром Слорр довольно долго рассуждал перед своими девочками (за завтраком были Ирма, Ирен и Ната), как важна сегодняшняя встреча с префектом палубы В.

В первоначальной структуре корабля должность префекта палубы не предусматривалась, у каждой страты имелись свой командир в чине лейтенант-командера, варент-офицеры, служба безопасности. Вся эта военная организация замыкалась на Мостик. Но жизнь в корабле-ковчеге оказалась куда сложнее, чем это виделось с Земли, никто не мечтал начать и закончить

свой путь в военном поселении. После подавления бунта второе поколение создало советы палуб и должности выборных префектов. Для решения важных вопросов собиралось общее собрание палубы, куда приходили все, начиная с четырнадцати лет. В итоге образовались две структуры – военная и гражданская – и их тайная борьба служила источником постоянных интриг, а порой и открытых столкновений, но в то же время своеобразными чашами весов, качелями, на которых почти что ради забавы раскачивалась жизнь корабля. Это вносило в однообразие бытия некоторое разнообразие. Скука убивала куда чаще, нежели аварии изношенного оборудования. В итоге лейтенант-коммандер превратился просто в лейтенанта, возглавлявшего службу безопасности на палубе, отряд охраны и службу спасателей. А все остальное управление палубой перешло к префекту.

Натали перегнулась через стол и чмокнула отца в щеку.

В ответ он указал на кресло напротив.

– Все утонуло в говорильне, – буркнул Слорр, мрачней. – Такое впечатление, что бэшников вообще не интересуют наши разработки по новым материалам. Их главная забота – безопасность биосферы Корабля, чтобы мы тут все не сдохли и жили долго и несчастливо. А сами они не предоставили ни одной новой теории. Ни одной! – префект поднял палец и повел им из стороны в сторону. – Мы батрачим на этих надутых бездельников. Но... – он сделал угрожающую паузу. – Речь сейчас не об этом, сейчас вот о чем речь. Расскажи-ка мне, дорогая, что ты там со своими дружками-переростками учудила в наблюдательной Утки?

– Утка? Ты называешь ЭТО Уткой?

– А ты прежде не слышала такое сокращение?

– Я бы назвала это адом.

– Так что вы там натворили, мои резвые бесята?

Ната кивнула, давая понять, что вопрос резонен, сделала паузу – не так легко признаваться, что ты напала на служащих корабля, пусть даже это утко-бесы (отличная кликуха, так и буду их звать, – решила Ната).

Слорр тем временем включил последний отрывок записи, и Ната со стороны увидела крупным планом свое лицо – выражение ярости настолько исказило черты, что она едва себя узнала.

– Ну, я тут точно фурия, – фыркнула Ната. – Вид жуткий. Если попадет в лицейский чат, все обделаются от страха.

– Попытка отвлечь не засчитывается. Жду объяснений. – Слорр по давней привычке сцепил пальцы в замок.

– Мы спасли парня от смерти.

– Это я понял. А подробнее?

– Да все просто: пошли позырить на утиль. А там вместо гроба – какая-то бочка, и в ней живой человек. Его собирались живьем разрезать и бросить в утилизатор. Мерзость! Так поступают только приматы.

– Дорогая, мы все приматы, – напомнил Слорр.

– Ну да, конечно, это я чтоб помягче. А вообще звери.

– На тебе взыскание, дорогая моя приматка, иными словами, строгащ. Ну да ладно, дальше.

– А потом я, считай, пригласила его в гости.

Слорр закусил губу, изобразил задумчивость.

– Как получается, что в утилизатор отправляют живых людей? – возмутилась Ната: нападение – лучшая защита, отец внушал ей это не раз, и она успешно применяла его тезисы на практике.

– Закон корабля строг – четыре нарушения с фиксацией в деле, и далее тебя автоматически ждет Утка. Если пятилетка не спишет прежние грехи.

– Прекрати говорить «Утка»! – разозлилась Ната.

– Дисциплина прежде всего.

– Надо же, какой прилет! А как же бандиты-ешники, сколько лет они грабили промку, вместо того чтобы проверять отчеты пожарной безопасности? Кажется, никто их не призвал к порядку, пока не случилась драка и их не начали убивать. А тут за какие-то закорюки в деле чела режут на котлеты.

– Ты права, – Слорр поскреб большими пальцами под подбородком, по-прежнему держа остальных в замке, будто боялся их разомкнуть. – Мы тогда выпустили ситуацию из-под контроля.

– Зато теперь играете в суровых дядек. Я, кстати, поглядела, что натворил этот чувак. Всего лишь без разрешения пробирался с палубы на палубу, собирал инфу по поводу зондов. Ну, это, конечно, куда опаснее, нежели шайка бандитов, что грабят промпалубы, убивают всех подряд, насилуют девчонок, а потом продают их в трюмный бордель. – С каждой фразой она распалялась все сильнее.

– Чего ты хочешь?

– Справедливости. Чтобы живых не отправляли в утилизатор!

– Это решается на палубе А. Вернее, на Мостике.

– Запрети казнить на нашей палубе! – Натали очень шел требовательный прокурорский голос – при ее кукольно-прекрасном личике и яростно сверкающих глазах.

– Наш утилизатор обслуживает пять первых палуб.

– Пусть они тоже запретят. Наша палуба – наши законы.

– Все не так просто. Не в моей власти менять законы. – Тон был суров, но при этом Слорр улыбался.

– Значит, это сделает общее собрание палубы. Зачем оно вообще существует, если не имеет права писать правила, по которым жить и умирать людям?

– Да ты у меня прям революционер! – улыбнулся Слорр.

– Я никогда не видела людей с Мостика, но ты, и мама, и Ирен, и все-все, трудитесь на них. А что взамен? Они спускают приказы: этому жить, этого в утилизатор. И мы подчиняемся, как тупые роботы. И после этого тебя именуют бароном! Если ты барон, то вассалы с палубы подвластны только тебе, а не каким-то сеньорам с Мостика. Вассал моего вассала – не мой вассал! – вспомни принцип идеальной страты. А заодно историю феодализма.

Подобный взрыв эмоций ошеломил Слорра. Больше всего ему хотелось сказать: «Замолчи!» Но не потому, что он был не согласен с дочерью – просто сами слова были слишком опасны. И хотя каждодневно он лично проверял кабинет на предмет жучков, уверенности, что Мостик их не прослушивает, не было. Ему иногда казалось, что сама структура корабля способна передавать сигналы наверх и отслеживать настроения палуб.

«Третье поколение – самое сложное, – любила рассуждать психолог Лил. – Они окончательно потеряют связь с Землей, но не будут иметь даже малейшей возможности достигнуть Геи-2. Как убедить их в ценностях прежних поколений?» – «Создать свои цели», – ответил он тогда автоматически. И едва не добавил – «фальшивые». Именно Лил разрабатывала теорию феодальной структуры: если никто из команды не волен покинуть корабль, то теперь они – обитатели крошечного королевства, на всю жизнь закрепленные за своей палубой и своим сеньором. Получают в наследство будущую профессию на всю жизнь, титулы, бокс для проживания, перечень нудных обязанностей и скудный набор развлечений. Ситуация такова, что ты просто обязан влиться в систему, нравится она тебе или нет. Изменить этот мир не получится. Согласно теории Лил, средневековые титулы и модели поведения помогут смириться с неизбежным: люди жили так сотни лет, экипажу придется повторить их путь. Красивые погрешности должны скрасить однообразность жизни и притупить ощущение бессмысленности, сложиться в узор замысловатых ритуалов. Прежде были рыцарские турниры, теперь – синт-игры

на компах. Голограммы замков, поклоны при встрече, вечеринки в средневековых костюмах – страсть к подобным геймам вспыхивала и угасала, осыпаясь облезлой шелухой, не проникая внутрь сознания. Но Лил не отступала и уже начинала нашептывать Слорру, что надо сделать следующий шаг. Но какой – пока не сообщала. В данный момент Лил ратовала, чтобы в «Золотых драконов» разрешили играть не менее пяти часов в нерабочее время, но на Мостике постоянно тупили и раз за разом отказывали, хотя подобная милость казалась Лил простой и необходимой.

– Пап, ты где? – будто издалека долетел голос дочери.

– Попробую что-нибудь придумать, – внезапно уступил Слорр. – Что ты скажешь о спасенном?

Натали с сомнением выпятила нижнюю губу, изобразив нарочитую задумчивость.

– Ну, я не знаю. Он странный, но интересный. Его выпнут назад в промку?

– Пока не знаю, Ната. Тут есть проблемы. И я его даже не видел.

– Ну, так познакомься. Думаю, он тебя удивит. И он останется, да-да, он должен остаться!

Если вернуть парня в промку, низшие его убьют.

– Он тебе нравится?

– Я же сказала: он странный. Спокойной ночи, пап!

Она упорхнула – легко, будто на корабле внезапно отключилась гравитация.

«Неужели и она умрет в пути?» – с тоской подумал Слорр.

И тут только понял, что никаких мер воздействия для Наты и ее друзей не принял.

«Придется, как всегда, замять», – усмехнулся префект.

Когда Гор вошел в кабинет, Слорр сидел за столом и рассматривал голограммы. Они мелькали перед ним, проносясь стайкой бледно-голубых призраков, и Адриан поразился, что кто-то с такой скоростью может просеивать информацию, потом сообразил, что у префекта наверняка есть вживленный нейрочип, и этим объясняется поразительная скорость просмотра. Когда-то чипы вживляли всем членам экипажа в первом поколении, но во время флуктуаций магнитного поля платформы они не просто выключались, а сводили людей с ума. Потом придумали предохранители, что успевали вырубать чипы в случае опасности, но простые планшеты, что клеились на предплечья, удобные в обращении и легко заменяемые, успели полюбить команду, и нейрочипы стали неприятной обязанностью высших чинов и программистов.

– Тихого вечера, – пожелал Гор, приветствуя префекта на манер высших палуб.

Он старался держаться сдержанно, как будто был здесь, на палубе, давным-давно свой.

Слорр сделал одно краткое неуловимое движение, и голограммы упорхнули. Он откинулся в кресле и уставился на гостя. Префект был по-львиному желтоглаз, извивистый шрам перечеркивал наискось широкий лоб, узкие плотно сжатые губы были лишены цвета. На его лицо не очень-то хотелось смотреть, не потому что он был некрасив, или шрам его сильно уродовал. Как раз нет. Но было что-то в его лице странное, как будто ты смотрел на окружающую, которую пытались начертить сначала из одного центра, а потом – из другого. При первом взгляде на лицо Слорра это уродливое смещение буквально бросилось Адриану в глаза. Но в чем причина этой непонятной уродливости, он понять не мог.

Адриан отвел взгляд и принялся оглядывать кабинет, демонстративно поворачиваясь влево и вправо. Кабинет был просторен – огромный стол, диван, обитый синтезированной кожей, кресла, за панелями на стенах наверняка притаился архив. Картина маслом в золоченой раме на стене, кинжал в костяных ножнах, подвешенный на цепочке, серебряная подкова; все эти вещицы – добыча аукционных распродаж земных артефактов. Каждый человек, записанный в экипаж ковчега, имел право взять с собой три памятные вещи, символы Старой Земли,

но каждую весом не более килограмма. Еще во времена второго поколения эти земные памятки стали цениться коллекционерами, с каждым годом цены на них росли, и теперь любая земная безделка стоила кучу донов. Продавали их только на высших палубах – в промке наследники либо успели спустить памятки за бесценок, либо банды грабителей сгребли остатки. Во время одной из своих экспедиций Кошмар нашел схрон мародера в заброшенном боксе и перепрыгнул в колодец, которым пользовался во время спуска на подсобную палубу, не успев даже толком рассмотреть клад. Так что себя он мог считать в какой-то мере коллекционером. Мысленно Адриан улыбнулся: со Слорром у них нашлась общая черта.

Напротив стола висел огромный экран, сейчас включена была лишь одна осьмушка, на ней в беззвучном режиме транслировали картинку из рубки уровня С. Два дрона-наблюдателя по углам каюты – красные огоньки, внимательные взгляды. Работают бесшумно, не то что соглядатаи на рабочих палубах, натужно гудящие в коридорах, мастерских и классах. Но Гору показалось, что он слышит едва ощутимое угрожающее гудение. Наверняка по совместительству дроны еще и охранники, в случае опасности для хозяина плюнут каким-нибудь нейротоксином или пошлют парализующий электрический разряд.

– Зачем ты носишься с палубы на палубу, Адриан Гор? – спросил Слорр после довольно долгой паузы.

– Называйте меня лучше Кошмаром, префект. Имя – оно как бы чужое. А прозвище – лично мое, я его заслужил.

– А ты называй меня бароном. И ты не ответил на вопрос.

– Ищу способ добраться до желанной Геи-2 еще при вашей жизни, барон. – Гор охотно принял условия разговора. Но в его устах титул «барон» звучал с заметной долей издевки. – И если бы я жил на палубе С и получил доступ к вашей программе образования, барон, для меня все стало бы намного проще. – В его фразе не было и тени вопроса.

– Парень, ты даже курс средней школы не закончил.

– Этот простенький курс есть в Сети. Киньте мне задачку, я пришлю вам ответ.

Они обменялись послашками, и Слорр несколько раз кивнул, оценивая заявку гостя на вторжение.

– А если я откажусь с тобой возиться?

– Ну... – Кошмар рассмеялся – хищно, обнажая зубы, и чуточку манерно. – Разве вам не хочется, чтобы Ната через десять-пятнадцать лет очутилась на Новой Земле, а не закончила жизнь в утилизаторе?

– Даже флагман с противометеоритной защитой и со скоростью выше 0,9 световой не добрался еще до точки назначения.

– Конечно, нет. По отношению к нам они будут в полете слишком долго. Но сами они не умрут, если считать время по формулам Лоренца. Скорость подарит им долгую жизнь. Но и мы способны создать свои погремушки, не впрягаясь в гонку.

– Присаживайся. – Слорр указал на кресло, где прежде сидела Ната.

Кошмар пожал плечами, мол, как вам угодно, сел, откинулся на спинку кресла. Для парня с промышленной палубы он держался на редкость непринужденно. Поведение, граничащее с наглостью, но именно на грани, чувство собственного достоинства сглаживало вызов.

– У тебя есть теория, как можно ускорить полет, не подвергая экипаж риску? Да ты не бойся, делись, этот кабинет не прослушивается. Но учти, если ты решил меня одурачить, то я быстро с этим разберусь. Ты даже не представляешь, сколько человек рассказывало мне про кротовые норы, что ждут нас впереди.

– Я не понимаю, о чем вы. – Мальчишка смотрел с каким-то наивно-изумленным выражением, приподняв брови и округлив глаза.

Слорр молчал, давая понять, что ждет чего-то значительного, а не примитивного трепя.

– Ну хорошо, – будто нехотя уступил Кошмар, хотя наверняка запланировал и эту паузу и это через силу данное согласие. – Еще не знаю, как это сделать, но нужно совершить прыжок сквозь пространство. Я уже даже кое-что испытал. Может, слышали, в 72-м я пробил своей моделькой стену лаборатории, и она застряла где-то в кишках корабля.

– Что? – Через нейрошунт иск-ин тут же подкинул префекту всю нужную инфу о той аварии. – Так это ты, паршивец, пробил обшивку и повредил корпус левого энергетического эшелона?

– Вот видите, вы обо мне уже слышали! Но это был только первый шаг. Мне многого не хватает.

– А именно? Водородной бомбочки?

– Математического аппарата, курса физики и оснащенной лаборатории.

– Еще скажи, что у тебя есть теория!

– Даже несколько весьма элегантных. Но каждая нуждается в проверке.

– То есть считай ничего кроме желания.

– Не забывайте про первый эксперимент.

– Ладно, добавим еще наглость, Кошмар. Но даже если, я сказал – «даже если» – удастся ускорить корабль до 0,3 с, – Слорр предостерегающе поднял палец, – нам до Геи-2 осталось 62 световых года. Понимаешь, о чем я? Формула Лоренца тут не поможет.

– Я планирую доставить корабль к новой планете за десять лет. Пока прорабатываю вопрос в деталях.

– Будешь лгать – заплатишься, – предостерег Слорр.

Кошмар несколько мгновений молчал. Смотрел пристально. Очень цепкий, внимательный взгляд взрослого человека.

– Корабль – это прежде всего дисциплина. Иначе народ рванет с промышленных палуб на высшие уровни. Никто не имеет права уйти сам по себе куда угодно, – сам не зная зачем сказал Слорр, разрушая тонкую ниточку доверия, что на миг протянулась меж ними.

– Рванет на высшие уровни? – Гор вскочил, уперся руками в стол, расхохотался истерически, издевательски. Потом смех оборвался, лицо его исказилось от боли и ярости. Он подался вперед, глянул Слорру в глаза. – Из промки никто не уходит сам по себе. Стоит сделать робкий шаг к выходу – и тебя начинают ломать, и ломают, пока ты не превратишься в придаток рабочего кресла, способный нажимать кнопки и безропотно умереть в открытом космосе. Тебя отправят с миссией без возврата – вечный страх держит любого из нас на привязи. Никто не уходит! – закричал он и выпрямился, на лбу под тонкой кожей вздулись жилы. – Никто и никогда! Циклограмма расписана на всю жизнь. Клетка! Поймите, клетка! Впрочем, вам не понять... – Он перевел дыхание, покачал головой и сел. – Я уверен, что кому-то нужны эти безропотные гайковерты-сварщики, готовые к жалкой рутинной работе, ими затыкают дыры там, где не могут справиться роботы. За небольшие бонусы наш лейтенант и наш префект держат нас в узде и обеспечивают корабль примитивной рабочей силой. Хочешь вырваться? Не смей! За это наказывают! – как и положено юности, Гор обвинял категорично и огульно, не нуждаясь в поиске доказательств. Но это не значит, что он был неправ.

Но страсть, с которой он говорил, поражала.

– Ты умен, парень. Умен, хитер, изворотлив. Ну, а теперь прикинь, захочу я иметь дело с подобным типом? Гор внезапно успокоился, положил ногу на ногу, улыбнулся дружелюбно и открыто: ну, глядите, разве я не симпатяшка?

– Я могу расплатиться.

– И как же?

– Я же сказал: через десять лет мы будем на Гее-2.

– А я думаю, это вранье. Я даже сомневаюсь, умеешь ли ты говорить правду. Ты все время врешь, тебя ловят, скидывают в промку. А ты как таракан ползешь в зону управления, как будто здесь намазано чем-то сладким.

– Я вру, но не все время. В промке на правде можно уехать только в кресло ремонтника. Так что я решил совершить пертурбационный маневр, использовав вашу, сударь, гравитационную массу для получения ускорения, как «Вояджер» когда-то. И потом, вы мало чем рискуете, поверив мне. Если дело не выгорит, вы просто ничего не получите. Но и ваши траты будут ничтожны. А мне так нравится ваш дом с этими огромными помещениями и фальшивыми окнами. Но только представьте: на Гее-2 окна будут настоящими. Стоит рискнуть? Настоящие окна!

Адриан вскочил и, подойдя к фальшивому окну, раскинул руки, потом медленно повернулся:

– Настоящие окна! Настоящий воздух! Настоящая вода. Реки, озера, водопады. Почему вы ничего не делаете, чтобы это получить?

Слорр моргнул (связывается по нейрошунту, – сообразил Гор), в кабинет вошел глава службы безопасности палубы лейтенант Ли.

«А ведь это ему подчиняются работяги утилизатора, он следит за точностью исполнения казней по четвертому строгому выговору», – от этой мысли ужас холодным штырем пронзил тело Гора от затылка до самых пят.

Как там говорили прежде? «Душа уходит в стопы?» А какой у лейтенанта будничный вид. Ничего злодейского, демонического в облике – ничем не примечательное лицо, аккуратная стрижка, псевдоскаф серый с черным. Светящаяся голограмма на плече.

– Лейтенант, – обратился префект к безопаснику нарочито официально, – Адриан Гор поселится у меня в доме, будет посещать лицей вместе с Натали. Но проследи, чтобы с полудня до шести утра двери его бокса не открывались.

Слорр держался так, будто не подозревал, чем занимается его лейтенант.

Или это просто умение отрешаться от неудобной инфы? Или осознание неизбежного, ведь власть всегда отягчена злом.

Кошмар сложил ладони на восточный манер, изобразил что-то вроде шутивого поклона и направился к выходу. Уже у двери обернулся:

– Тихого вечера, барон.

Ли положил ему руку на плечо, и они вышли.

Слорр вызвал вновь те два листа досье, которое просматривал перед приходом гостя, и перечитал заново. Префект всегда настороженно относился к третичникам. Во многом они были для него загадкой. Они приняли полет как данность, как на Старой Земле воспринимали смену времен года. Их истинной страстью стали донаты – и как можно больше. Уже в четырнадцать многие гребли их десятками тысяч, тогда как для большинства из второго поколения получить сотню было великим счастьем. Шестнадцатилетние – они на многое способны. Год назад все палубы охватила истерия: Сеть наполнилась сообщениями о том, что уровень кислорода в помещениях ниже нормы. Началась паника, людям стало казаться, что они задыхаются. Установленным повсюду приборам не верили, передавая друг другу, что отрегулированная техника врет. И почти сразу же в Сети стали предлагать баллоны с кислородом по тысяче донатов за штуку. Люди покупали и верили, что им доставляют сжиженный кислород. На самом деле в баллоны был закачан самый обычный воздух, по составу точно такой же, каким были наполнены помещения корабля. Через неделю афериста схватили. Но за эту неделю он сумел сделаться миллионером. Этот, конечно, слишком уж зарвался. Но такие новые «продавцы воздуха» помельче появлялись среди третичников чуть ли не каждый день.

Слорр помедлил и включил вызов на планшете.

Лил явилась на зов. Как была, в домашнем: серое трико, поверх – туника в мелкую поперечную полоску.

– Вообще-то я планировала бай-бай, а не обсуждать с тобой психологические тесты, – заявила она насмешливо.

«Только маска», – напомнил себе Слорр.

Для него она навсегда женщина, стоящая в боксе, привалившись спиной к стене. Она будто в глубокой яме, в черном колодце, в глазах боль, безмолвный крик, призыв о помощи.

«Анни в медицинском блоке. Опухоль мозга». – Она смотрит на него как будто издалека, из другой части корабля или из другой вселенной – и он знает, что ничем не может ей помочь, и чувствует себя виноватым, беспомощным и не ведает что сказать. Потому что в пропасть, из которой смотрит на него Лил, слова не доходят.

Еще через месяц, после того как обезображенное болезнью тело Анни отправили в утилизатор, Лил исчезла. Рассказывали, что ее видели в «Черном квадрате» – почерневшую, с запавшими глазами и запекшимся ртом, готовую к смерти. Но смерть не пришла, а Лил вернулась спустя три месяца – сильно исхудавшая, но какая-то странно веселая, порхающая, полная новых идей, с яростной энергией готовая воплощать креативные проекты.

Только об Анни она больше никогда не говорила.

– Мне нужно обсудить с тобой один вопрос, – Слорр дружелюбно улыбнулся.

– Только один? – Она уселась в кресло, погладила подлокотники, как будто считывала инфу. Или в самом деле считывала? Надо будет проверить кресло.

– Я давно пытаюсь отменить этот дурацкий закон о четырех нарушениях.

– Четырех строгих предупреждений, – уточнила Лил.

– Ну да. По мне – он бессмысленно жесток. Но Мостик раз за разом отвергает наши предложения.

– Ты хочешь затеять бучу?

– Я конформист, ты же знаешь. Но также полагаю, мы не должны убивать людей из-за дурацких проступков.

– Говард, мы уже говорили об этом десятки раз. Наша главная опасность в пути – мутации микроорганизмов и мутации в обществе. В замкнутом пространстве отношения меняются стремительно. Сохранить стабильность, интерес к жизни, поддерживать порядок – вот задачи внутреннего управления. Не сумеем сберечь структуру – произойдет быстрое перерождение экипажа в примитивное бандитское общество, деградация науки, хаос. Нам все время приходится прибегать к ограниченной жестокости.

«Занятно, как эта женщина рассуждает о социальных проблемах корабля, не зная его главной тайны. Неужели не догадывается? За десять лет – и не заметила? Кошмар почуял с первого взгляда – недаром смотрел на меня в первые минуты с таким ужасом. Ограниченная жестокость! Кажется, она еще больший конформист, нежели я».

– Мы уже не раз подходили к опасной черте, – продолжала Лил. – Вспомни банду, что два года терроризировала промку, ты же тогда не возражал, чтобы всю компашку отправили в Утку.

– Бандиты, которые грабили, насиловали и убивали, а службы безопасности смотрели на это сквозь пальцы? Да, очень хорошо помню. Именно из-за попустительства СБ пришлось прибегнуть к радикальным мерам – потому что их не остановили сразу, после первого рейда. Лил, послушай и подумай: сегодня чуть не отправили в утилизатор подростка, который стремился попасть из промки к ученым. Парень занят поиском сокращения времени в пути. Не находишь, что это глупо – убивать за тягу к знаниям?

– Может быть, он соврал тебе и у него другие цели.

– Это я проверю, но четыре строгача висят над ним дамокловым мечом.

– И ты хочешь изменить закон? Ну, это займет года три или четыре, насколько я знаю всю эту бюрократическую тягомотину – даже если большинство палуб выскажется на собраниях за отмену казни при нарушениях дисциплины. Но мы не соберем большинство. Людей постоянно пугают опасностью бунта, и они готовы терпеть строгие законы, лишь бы защититься от хаоса. За это время парень с таким бесовским характером снова попадет на нарушениях и угодит на ленту утилизатора. Закон менять нельзя, порядок необходим.

– Я не позволю его убить.

– Тогда действуй.

– Что ты предлагаешь?

– Найди того, кто подчистит дело.

– Так просто?

– Надо выбирать кратчайший путь и наименьшее сопротивление. Основы лучше не трогать.

– И что потом? Подчищать другие дела?

– А то ты этим не занимался! – хмыкнула Лил.

– Но есть какое-то иное решение проблемы? Нарушений становится все больше, разве ты не говорила об этом?

– Скука – главнейший враг корабля. Значит, число нарушений будет только расти, проблема есть и ее надо решать. Зачастую решение проблемы выглядит совершенно фантастическим. Направить энергию в новое русло и одновременно раскрасить серую жизнь – вот выход. Я уже не раз говорила на этих наших пустомельных конференциях, что кораблю необходимы свои кумиры.

– Твоя программа театрального ренессанса – я помню и поддерживаю, ты же знаешь. Разве наш театр плох? Что они сейчас ставят? Ах, ну да, конечно же Шекспира.

– Ты зря иронизируешь, Говард. Мужчины и женщины – новые олимпийские боги – способные притягивать к себе и вдохновлять. Они что-то вроде психологического циклотрона, разгоняющего человеческие эмоции, люди, попадая в их орбиту, настолько эмоционально меняются, что способны окрасить свою жизнь заемным блеском. Недостаток эмоций – бедствие корабля. Примитивный секс и наркота не есть решение проблемы. Нам нужны боги, которых любят, а не те, которых боятся.

Слорр внезапно расхохотался. Его ядовитый смех заставил Лил умолкнуть.

– Мостик, они же там вообразили себя богами и требуют преданной и безусловной любви. Зачем нам создавать богов? Они уже есть.

Лил вскочила, разгневанная.

– Не надо выворачивать наизнанку мои слова! Мы находимся практически в летящей тюрьме! Во Вторую мировую войну пленные англичане и французы ставили в концлагерях спектакли.

– Это был удобный способ прорыть подземный ход. А нам что рыть?

Лил прищурилась.

– Спроси у своего найденыша.

– Никому и никогда не удастся завершить свои дела на корабле. Все бросают дело на середине.

Глава 5

Год 77-й полета. 15 сентября по условному календарю корабля. Палуба С

Визит к префекту Слорру в условно-утренние часы был краток – Клим выслушал требования, кивнул, вышел, с трудом подавляя раздражение. Ничего не объясняя, префект потребовал опекать новичка – спасать от неприятностей и одновременно следить, чтобы тот не натворил бед. Клим превращался в своего рода педагога, которому надлежало таскаться по пятам богатого оболтуса. Только тут в качестве аристократа выступал преступник, спасенный Натой из утилизатора, уроженец промки, ничтожный авантюрист. Внутри у Клима все кипело от подобной несправедливости, но просьба барона равносильна приказу. Слорру не перечат. Он был много лет несменяемым префектом палубы, а кроме того – единственным человеком у сишников, кто держал постоянную связь с Мостиком. Ходили слухи, что в молодости он лично вел научный проект по заказу самого Командора, причем проект весьма успешный, чем заслужил особую милость небожителей, недаром его старший сын призван для службы на Мостике, неслыханная милость на корабле, где переход с одной страты на другую практически запрещен.

В довершение ко всему, выходя от Слорра, Клим столкнулся в коридоре с новичком: тот был в домашнем трико, растрепанный после сна, но при этом такой самоуверенный, будто он не пробился снизу из промки, а спустился с Мостика на их жалкую палубу, чтобы осчастливить своим нелепым присутствием.

– Ты не думал, – спросил Клим Гор таким тоном, будто они минут десять назад прервали разговор, – что вы могли бы включить меня в свою стаю. Получилось бы звездно.

– Стая? Ты серьезно? Хочешь пристыковаться? – Клим опешил от подобной наглости. – И кем же ты мыслишь себя в нашем прайде, мелкий?

– Лидером, разумеется.

– Ты – никто, – прошипел Клим в лицо парню.

– Я прошел все палубы, что ниже вашей, – все, кроме ангарной, где стояло шаттлов. Я изучил устройство корабля, его слабые стороны, я гулял по балконам. Я связывался с другими кораблями – с «Джеймсом Куком» и «Магелланом». Так что я – лидер. И стая мне нужна, чтобы мы добрались до Геи-2 как можно быстрее. Или ты планируешь застрять на этом корабле на всю жизнь? Неужели охота?

– Сейчас мне охота тебя прибить.

– А я хочу пари.

– Какое?

– Можешь прибить меня, если через десять лет мы не окажемся на Гее-2.

– Долго ждать.

– Не жди – действуй.

На палубе С сама процедура приема пищи давно превратилась в ритуал. В отличие от промки, где поглощение обедов и ужинов напоминало заправку двигателей механизмов топливом – чем быстрее, тем лучше, здесь уделяли внимание мелочам. Скатерти непременно белые, под лен, льняные же салфетки, пропущенные сквозь серебряные кольца, тарелки под фарфор, непременно с росписью и золотой каймой, вилки, ножи, бокалы под хрусталь, чашки – под костяной фарфор. Этот образ изысканности надлежало пронести сквозь годы и возродить на новой родине в домах колониальной аристократии.

Утром за завтраком в каюте Слорра собралась вся семья, даже Александр, облачившись в нарядный китель, материализовался из своего бокса, получив от Ирен инфу, что в каюте префекта объявился подселенец. Ирма успела пообщаться с беглецом из промки накануне, а вот Ирен ожидала знакомства с изрядной долей скептицизма. Двадцатипятилетняя красавица с нежной прозрачной кожей, естественным румянцем, русыми выющимися волосами, умевшая отбрить любого наглеца язвительной шуткой, на палубе С слыла недотрогой. Искавшие ее внимания парни-третичники всякий раз получали отпор, более солидные кавалеры из второго поколения отвергались с такой же презрительной дерзостью. На робкие расспросы Ирмы о делах сердечных Ирен отвечала насмешливо, что серость и старость ее не интересуют.

Вот и сейчас она задавала тон беседе:

– Ну и где наш упавший с баррикады Гаврош? – Ирен обожала делать отсылки к литературным источникам, не важно, говорили они что-то собеседникам или нет.

– Он придет к столу позже, чтобы вы могли беспрепятственно посудачить на его счет, – отозвался Слорр.

– Не знала, что теперь ты опекаешь убогих и сирых, – парировала Ирен. – Даже если он придет к столу, то ко столу не придется, – скаламбурила Ирен.

– Никакой он не убогий, – вступилась за своего найденыша Натали. – Он просто не похож на других.

– Иногда стоит со скуки заводить домашних любимцев, – Ирен не лезла в Сеть за нужным словом – тут у Натали не было и шанса ее одолеть.

– Адриан – симпатичный мальчик, – Ирма, как всегда, постаралась всех примирить.

Будто дожидаясь ее слов, в столовую вступил Кошмар. Впрочем, ничего кошмарного в его облике сейчас не было: еще влажные после душа волосы зачесаны назад, синий псевдоскаф, приготовленный для него Ирмой, пришелся как раз впору. Он улыбнулся весело, без тени наигранности, демонстрируя ослепительную улыбку.

«Собака. Он же успел отбелить зубы», – отметила про себя Натали с легким восхищением.

– Прошу прощения, видимо, таймер сбился.

– Гений не может наладить таймер! – презрительно фыркнул Алекс.

– Я егоотрегулирую к завтрашнему утру. – Гор занял оставленное ему место за столом с таким видом, будто всегда тут сживал по утрам.

– Вы, наверное, не привыкли к подобным трапезам, – поинтересовалась Ирен. – У эйчников так не принято, – проявила она осведомленность в обычаях нижних палуб.

– В последнее время я в основном обретался в подсобке. Условия там скотские, зато Сеть открыта круглые сутки. – Гор раскромсал омлет без помощи ножа одной вилкой, чем шокировал Ирму до глубины души.

– А ваши родители? Как они относились к пребыванию сына на подсобной палубе? Их не беспокоило такое погружение?

– Им все равно, они умерли. – Гора, казалось, ничуть не смущали вопросы, которыми засыпала его Ирен. Отвечая, он умудрялся отправлять в рот куски омлета, пользуясь одной только вилкой и демонстративно игнорируя нож.

– Но у вас же остался опекун?

– Да, Надя, мамина младшая сестра. Ее изнасиловали и убили во время бандитского рейда.

– Ирен, дорогая, дай нашему гостю спокойно поесть. – Ирма снабдила свою просьбу страдальческой улыбкой.

– Я стрелял в одного гада, когда они снова пожаловали, – Гор продолжал говорить, уткнувшись взглядом в опустевшую тарелку. – Но на нем был бронник, и он растянулся на полу еще живой. Оранжейщики забили его до смерти обрезками труб. Его и еще двоих. Надю я

так и не нашел, хотя спускался в холдер в ее поисках. – Он поднял голову и в упор глянул на Ирен. – У вас еще есть вопросы? Я могу ответить вечером, если ваше издание «Подслушано на палубе» интересуется история корабельного Гавроша, который мало походит на героя Гюго. А сейчас мне надо идти, не хочется опаздывать на коллоквиум по математике в первый же день. Тем более что сегодня пойдет речь о числах Фибоначчи.

Он взял салфетку, демонстративно промокнул губы и вышел.

Все сидели молча, даже Ирен.

А потом Слорр внезапно разразился редкими громкими аплодисментами.

«Иногда, чтобы добиться своего, приходится работать грубо. Иногда очень грубо».

Коридор сишной палубы напоминал узкую городскую улочку. Долгие годы здесь работали дизайнеры, создавая интерьер провинциального европейского городка. Ничто, даже отдаленно, не напоминало служебные помещения палубы – покрытие на полу имитировало булыжную мостовую с неровной поверхностью; вместо стандартных раздвижных дверей – панели под дерево с коваными ручками, во многих – вставки с цветными витражами. Сюда же в улочку-коридор выходили узкие окна из боксов – с матовыми или прозрачными стеклами, с цветочными ящиками на узорных подставках, иногда растение из крошечного горшка оплетало стену до самого потолка, и побеги подрезали только вокруг светильников. Зона рекреации походила на настоящий сад – деревья и цветы в кадках, скамейки для отдыха, в центре фонтан. В шкафах хранились книги и капсулы с записями музыки. Зона отдыха – большая площадка, опять же с покрытием под мостовую, здесь, правда, идеально ровная, обрамлялась полукруглой сценой. Сейчас ее зеленоватая раковина пустовала, но яркое панно сверкало рекламой: вечером приглашали на концерт классической музыки. Потолок имитировал небо – его рассветную голубизну, и фальшивый солнечный свет, падая, согревал кожу.

Гор несколько минут стоял здесь, зажмурившись и почти веря, что ощущает солнечные лучи на коже.

– Солярий открыт с шести, – посоветовала женщина, проходя мимо. – Тебе, милый, стоит немного загореть, а то ты похож на работагу из промки.

«А ведь в таких условиях не так уж плохо провести всю жизнь в полете, – мелькнула мысль. – Успокоить все чувства и просто жить. Нет! Не могу! Но другие-то могут». – В этом месте полагалось послать ментальный пузырь с сотнями глумливых улыбок.

Гай ожидал в вестибюле лица, стараясь не смотреть на идущих мимо, и уж тем более не встречаться ни с кем глазами. В голове у него стоял гул – даже после трех таблеток бодрости и чашки настоящего кофе, который для него префект заварил лично. Кофе выращивали в оранжерее, но в столь малых количествах, что ниже *E*-палубы его практически никогда не пили. Когда Слорр в четыре утра вызвал Гая в кабинет и попросил взломать центральный архив службы безопасности, чтобы подчистить дело Адриана Гора, оставив одно-единственное нарушение – самое последнее, а три прежних извести вместе со ссылками в корабельной Сети, Гай решил, что ослышался. Но нет, префект просил это сделать вполне серьезно.

«Лично для меня», – уточнил Слорр.

На подчистку дела ушло чуть более часа, но само действие повергло Гая в настоящий шок – получается, при соответствующем допуске не так трудно обелить любого или, напротив, превратить в преступника. Кто знает, быть может, рассказы о том, что Первого Командора убили, а новый ставленник занял его место, не так уж и фантастичны?

Тысяча донатов с пометкой «подарок от друга» почти не обрадовала.

– Эй, Одноглазый! – окликнул его Петер, большой насмешник и успешник. Стримы Петера всегда значились в топе лицейских работ. – Грят, вы вчера трупчик вытащили из Утки, а он возьми да оживи. У-у-у! – завыл Петер, вскинул руки и зашатался, как зомби из новой игры.

Гай демонстративно повернулся к Петеру спиной. На самом деле никакой он не Одноглазый – просто криво срезанную челку носил так, чтобы она закрывала один глаз.

– Еще грят, это вампир, он за тобой увязался и сделал кусь. Когда кровь хлебать начнешь?

Взрыв хохота заставил Гая покраснеть до кончиков ушей. В десятой группе Гай был самым младшим – младше Наты, так что на насмешки друзья-товарищи всегда были щедры. Зато от тумачков его защищали крепкие кулаки Клима.

Большинство ребят из третьего поколения вырастили в инкубаторах в течение десяти лет, так что самые старшие давно покинули лицей. Но те, кто был младше шестнадцати, родились уже естественным путем, их было мало, все наперечет. После завершения цикла инкубаторы находились на модернизации, генерация четвертого поколения откладывалась снова и снова. Кстати, Гору как раз шестнадцать... Странная догадка торкнулась в мозгу Гая, он тронул планшет на предплечье, вызвал большой голограммный экран и принялся рыться в очередной раз в Сети.

– Клим, где же Клим, где Клим, – приговаривал он непрерывно.

– Светлого!

Гай завертел головой и внезапно обнаружил, что к нему приближается спасенный из утилизатора парнишка.

Гор был одет в легкий псевдоскаф – синие брюки и куртка со вставками из искусственной кожи, покррой, схожий с настоящими скафами команды высших палуб. За плечами у него висел рюкзачок, а темные длинные волосы зачесаны назад. И где он только разжился одежкой? Ах, ну да, конечно, наверняка Ирма заказала для гостя, пятьсот донатов, если что, Гай о таком давно мечтал. Теперь, после щедрого «подарка от друга», он мог бы позволить себе новую одежду. Будут с Гором выглядеть как братишки-близнецы. Сразу расхотелось, и Гай вычеркнул заказ из очереди.

– Светлого дня, – повторно приветствовал Кошмар Гая с безмятежной улыбкой. – Медведей летом не стоит бояться – они скорее сами от человека удерут, чем нападут. Но могут и напасть. – Он похлопал Гая по плечу в самой дружеской манере.

– Что, что ты здесь делаешь? – пробормотал Гай. – И при чем тут медведь?

– Я здесь учусь. Надеюсь, мы будем с тобой дружить.

– Надеюсь, тебя выгонят, – огрызнулся Гай.

– О нет, я собираюсь задержаться. В промке знаний дают мало, и всё поверхностно, для серьезного дела не годится. Где будет проходить математический коллоквиум? Мне хочется занять место поближе к сцене. А вот и Ната. Предлагаю сесть всем вместе, ведь мы теперь прайд?

– Как вообще ты сюда попал? – Задав вопрос, Гай сообразил, что знает ответ: если Слорр решил подчистить дело Гора, то парень чем-то важен для префекта. Уж такую малость, как учеба в лицее, главный чел палубы организовать способен.

– Запросил о смене опеки.

– И кто же теперь тебя опекает?

– А как ты думаешь? Конечно же, сам Говард Слорр, он – мой куратор, теперь мы с Натой обитаем в одной каюте. И... вот и она, моя прекрасная подружка! – воскликнул Гор радостно, крутанулся на пятке и указал в сторону идущей к ним Наты.

Они оба уставились на нее. Сегодня на девчонке была туника из псевдошелка, под легкой полупрозрачной тканью – бордовое спортивное трико и топ. В распущенных волосах сверкал камнями-капсулами черный обруч. Струющаяся туника не могла скрыть четкости шага, в движениях рук ощущалась сила, и в то же время они были исполнены грации, и в такт движениям волна светлых волос поднималась и опадала.

– Идеальные обводы бедер и ног. А талия! Моя Афина! – Гор склонил голову набок, рассматривая Натали.

– Почему Афина? – не понял Гай.

– Ну, не Афродита же! – фыркнул Гай. – Парис был дураком. Да?

– Ну, не знаю. – Если честно, Гай не помнил, кто такой Парис.

– Светлого утра, дарлинг! – Против воли голос Гора прозвучал хрипло, а насмешливая интонация в слове «дарлинг» оказалась слишком уж язвительной.

– Захлопни шлюз, – огрызнулась Ната, при этом одарив Гора самой доброжелательной улыбкой.

И прищурилась, будто брала на прицел. Но Гаю показалось, что в гневном блеске ее глаз светилась немалая толика любопытства.

«Вот чердыр, этот парень ее околдовал!»

Гай вновь огляделся, но Клима как назло по-прежнему не было. Не появился он и на коллоквиуме. Зато новичок блистал и сгреб большинство бонусов на обсуждении доклада. Гай же обиженно дулся, не желал ничего говорить, а попытки Наты соревноваться с Гором были отбиты мгновенно, как атака бойца десятого уровня на прошедшего только-только третий рубеж. Кошмар он и есть Кошмар.

Едва таймер над дверью вспыхнул зеленым, как в аудиторию заглянул Клим и поманил Гора пальцем, улыбаясь:

– Стартуй, парень, есть звездная тема.

Новичок перекинул рюкзак через плечо и вприпрыжку устремился за Климом. Нате улыбочка Клима показалась подозрительной, она вставила инфокапсулы в обруч для волос и поспешила следом. Гай – тоже, но чисто за компанию. Он уже уверился, что Кошмар включен в их стаю.

Из учебной комнаты небольшой коридор выводил на площадку-сквер, где обычно студия сидели или лежали на гладких настилах в перерывах между занятиями, читая планшеты или просто предаваясь буйному трепу. Иногда, взбунтовавшись против оград замкнутых стен, какой-нибудь дерзкий препод выводил сюда учебную группу покосить под сенью настоящих деревьев, растущих здесь в количестве трех штук. Их называли «три брата» – по завершении цикла они щедро одаривали лицеистов урожаем крупных апельсинов. После занятий здесь обычно собирались стаи старшеклассников – обсудить дальнейшие пути и стратегию действий в замкнутом мире.

Сейчас площадка пустовала, и Гор шел за Климом без всяких опасений, тем более что Гай и Ната следовали за ними почти по пятам.

Клим остановился, бросил на настил рюкзак и повернулся к Кошмару.

– Утром я имел разговор с Говардом С-с-слорром, – сообщил он шипящим шепотом, и всякому, кто знал Клима, было ясно, что здоровяк в ярости, но Адриан смотрел безмятежно. – С-с-слорр приказал опекать тебя, будто любимого младшего брата, и не давать в обиду задирам из лица.

– Ценю заботу... – начал было Кошмар.

Но договорить не успел. Кулак Клима погрузился ему в живот. Адриан согнулся и замер с открытым ртом, не в силах вдохнуть. Ниточка слюны повисла на нижней губе и стекла на помост.

– Я обещал защиту от прочих. Но не давал слова, что я лично не расквашу твою наглуую харю.

Он замахнулся ударить снова, но не успел. Ната оттолкнулась от настила и в прыжке, одновременно грациозном и яростном, заехала Климу ногой в бок и сбила на землю. Сама же приземлилась с мягкостью и ловкостью кошки.

– Ты что, сошла с орбиты? – пробормотал Клим, ошеломленный внезапной атакой, не топясь подниматься после такого фиаско.

Адриан сумел наконец с сипом втянуть в себя воздух и медленно осел на настил. Он странно поводит из стороны в сторону глазами, будто прислушивался к боли внутри и пытался определить, все ли цело.

– Это ты глючишь, – огрызнулась Ната. – Мой отец присвоил Гору десятую степень важности. Значит, так тому и быть. Значит, нужен. И не смей его пальцем тронуть! Вбей себе в память! Пошли! – мотнула она головой Адриану. – А ты, каменюга тупая, подумай над тем, что сказал тебе С-с-слорр, – передразнила она Клима.

Гор с трудом поднялся и, держась за живот, поплелся за Натой.

– Фэйл, Клим, самый диповый фэйл, который я видел, – тряхнул головой Гай, сбрасывая со лба челку. – Отформатируй свои мозги побыстрее.

«Они живут в замкнутом пространстве. Бьются, бьются, и ничего у них не получается».

В тренажерку набилось народу больше обычного. По лицу уже пронесся слух о странном мальчишке, что явился к ним прямоком с промпалуб в десятую группу. Так что кроме тех, кому назначили тренировку, подтянулись любопытные – поглазеть, как будут валтузить новичка на спейс-драйве.

Надевая спортивный лайт-скаф и затягивая белый пояс, Гор исподтишка оглядывал остальных. Для ковчега рукопашный бой – особый, ты должен уметь драться как в условиях гравитации – при одном *g*, при двух, и при трех – тоже, но и в невесомости суметь дать отпор, используя магнитные башмаки и инерционную массу, когда массы гравитационной нет.

Тренер был стар. То есть реально стар, еще из первого поколения. Худое костистое лицо с орлиным носом и коротко стриженными седыми волосами, впалые щеки, глубокие борозды морщин вокруг рта. Только глаза молоды – светлые, прозрачные, ясные, взгляд быстр, внимателен, прицелен.

В черном лайт-скафе, с черным поясом, дважды обернутом вокруг талии, двигался он размеренно, неторопливо, как будто демонстрировал, что на одиннадцатом десятке торопиться куда-то в принципе нелепо. Выстраивая группу, делал это с таким видом, будто само построение на амортизирующих татами – важная сверхзадача. Восемь человек, четверка Гора (Адриан считал этих ребят уже своими, чем-то вроде свиты, и каждому выбирал и исподволь навязывал роль, формируя стаю под себя) и четверка ребят из соседнего класса, тоже явно с претензией на будущее. У соседей хороший подбор стаи – двое парней, две девчонки. То есть возможны две пары сексуальных партнеров. Но будущий лидер слабый, не уверен в себе, а интеллект слишком самолюбив и себялюбив, для интелов это нормально, но для стаи со слабым лидером

плохо. Так что ребят ожидают склоки и борьба за доминирование между лидером и интелом, это Кошмар расшифровал за те несколько минут, что ребята перебрасывались репликами в раздевалке и шли в зал.

В додзю (термин притянуло из карате в спейс-тренировки) входили босиком, скрещивали руки на груди и, разводя резким движением в стороны с выдохом «осс», переступали порог.

После построения и приветствий – разминка на раскрутку суставов, до той минуты, когда начинает казаться, что вместо костей в суставных сумках вращаются металлические детали в липкой масляной смазке. Потом – серия быстрых ударов – руками и ногами, тут Адриан почувствовал себя неуклюжим новорожденным медвежонком, его руки и ноги дергались нелепо, вместо четкого акцентированного удара получалось размазанное расхлябанное – ап-хх. На промке спейс-боя нет, нет вообще ничего, что могло бы дать возможность боевой подготовки – стрельбы или рукопашной. В последние годы у эйчников в виде великой милости разрешили бокс, но Гор уже стартанул оттуда, когда такая радость снизошла на третичников. Промка – она и есть промка, услуга для высших палуб, лишенная шанса хоть в чем-то дать отпор.

Внезапно с потолка каждому под ноги спустили бимсы. Все кинулись бежать по ним, но узкие бревна под ногами начали вихлять вверх-вниз, и надо было сохранить равновесие, стремясь к цели. Тут Кошмар оказался на высоте: в промке такие тренировки начинались чуть ли не с трех лет, «Космос ждет тебя!» – висел в детском спортзале выцветший линяло-рыжий плакат, заклеенный по углам скотчем по многу раз.

Бимсы Гор проскользнул лучше всех, ни разу не упав, и даже продемонстрировал умение перескакивать со своего бревна на соседнее, когда Натали и Гай сорвались на палубу. По бимсам он не ходил, а носился, танцевал, и временами даже летал, используя инерцию бимса, чтобы тот закинул его не на соседний брус, а уже на крайний, с которого Клим все же свалился к концу упражнения на татами, неумело изобразив, что это запланированный прыжок. Зрители при всяком удачном кульбите Гора начинали свистеть и хлопать в ладоши, и тут самое трудное было вести себя так, будто этих зрителей нет вообще, ни криков, ни свиста, ни хлопков. Посторонний звук не должен отвлекать – только то, что связано с необходимостью выжить и победить.

– Спорим, в невесомости он тебя отформатирует, – шепнул Гай Климу.

– Свободная минута! – хлопнул в ладоши тренер.

И все кинулись друг на друга.

Гор умудрился увернуться от удара Клим, но тут же был сбит с ног интелом из соседней группы.

«Мы собирались купаться в бассейне. Нагишом».

Вечером Натали зашла в комнату к Гору. Адриан мысленно называл ее именно комната, а не бокс, – достаточно просторная, с широкой двуспальной кроватью (ведь это была гостевая), пушистым ковром на полу, откидным столом, двумя стульями и креслом.

Гор лежал на кровати, держа планшет на коленях, над ним парили голограммы каких-то формул и схем. Натали поразились, как быстро он их просматривал, не имея нейрошунта для подключения.

– Как ты? – Она уселась в кресло рядом с кроватью. На ней было обычное, домашнее, – зеленое спортивное трико, пестрая туника. На промке такие тогсы сочли бы за роскошный наряд.

– Осваиваюсь на новой орбите. Для чела с промпалубы это как личный шаттл, – улыбнулся Кошмар, обведя рукою комнату с фальшивым окном.

Отсветы огней несуществующей столицы рисовали на потолке причудливый узор золотого на сером.

– Привыкай. Но датчики сканируй. Отец не просто так стал твоим опекуном по соглашению.

– Я – перспективный. Разве не заметила? В будущем вознесусь до чина командора, то есть контр-адмирала. Может быть. Если не найду чего получше. Например, возглавлю колонию на Гее-2.

– Ты – наглый.

– Трезво оцениваю свои способности.

– Чего добиваешься?

– Возможности двигаться вперед. Первый шаг сделан – стартанул из промки.

– Ловкач, зачтено. Но как ты джампил с палубы на палубу? У тебя ведь не было единого пропуска.

По тому, как кокетливо прозвучал вопрос, Гор решил, что таковой пропуск у Натали имелся и взял это признание на заметку.

– А колодцы на что? Если две недели голодать, можно и протиснуться.

– Серьезно? Там прежде народ шнырял в скафах.

– Ну, вообще-то, да. Колодцы не такие и узкие. – Гор невинно приподнял брови, мол, приврал. – Вертикальные шахты с лесенкой из скоб. Есть норы, ведущие к различным узлам корабля и на палубы. Я нарыл их в старых схемах и так джампил от *H* на *E*, а затем нырнул от ешки вниз до самой базис-платформы.

– А почему к нам не пришел через тайный колодец? Тебя же взяли у лифта, – Натали проявила осведомленность в подробностях его дела.

– По высшим палубам схем нет. Случайно вскрыл один ход от *E* к *D*, но дальше тупик. Теперь – принято – непременно отыщу тайные пути.

– И как же именно?

– Доступ к Сети с нашей палубы. Новая инфа. И еще надбиблиотека. Это же звездно.

Натали покраснела, потому что поняла, что, стараясь казаться интеллектуалкой, выставила себя дурой, задав такой тупой вопрос.

– Кстати, почему меня запирают? – спросил Гор. – Боятся, что сбегу?

– Ты опасен.

– Для кого?

– Для всех.

– А тут все послушные роботы?

– Нет, не роботы. Звездные ценности удерживают нас от деградации, так считает психолог Лил.

– От деградации нас удержит гравитация новой планеты. Это единственный сейф, а не дурацкие запреты. Цель заветная, к которой стремится экипаж. Пока стремится.

– И на что ты готов пойти, чтобы добиться цели? Убить кого-то?

– Это слишком грубо. Есть способы более тонкие. Хотя не исключаю, что в какой-то момент придется убивать. Но лучше без крайностей.

Ната скорчила гримасу, которая могла означать: «Извини, но ты попался!»

– Вообще-то, спрашивая «как ты», я имела в виду, как поживает твое побитое тело после плюхи от Клим.

– Не синуси, я прошел медскан, все звездно. Я же джампил в тренажерке после, и выиграл бимсы. – Он нарочно настроил речь на жаргон промки, чтобы уязвить гордячку.

– Вот совет: ходи туда чаще – я всю жизнь сейфить тебя не смогу.

– А я и не хойплю. – Внезапно Гор резко сел на кровати, подался вперед и поцеловал Нату в угол рта. Не особенно умело, но довольно страстно.

Отстранился. Взглянул в глаза с вопросительной и одновременно дерзкой улыбкой. Он, верно, думал, что выглядит в этот миг на редкость по-взрослому. На самом деле в его лице проступило что-то беззащитно-детское.

Ната поднялась, слегка толкнула его в грудь, отстраняя. Стояла, глядя сверху вниз, а он просто улыбался, растерянно и радостно. Она передернула плечами и направилась к двери. Уже у порога обернулась:

– Сегодня тебя уже побили, так что я оставляю руки в карманах. Но помни, пощечина за мной.

Она вышла. И когда дверь закрылась, поднесла пальцы к губам, замерла на миг и улыбнулась.

«Иногда все сильнее только кажущееся».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.